

Введение

*Всем, кто дышит Крымом,
посвящается...*

Многое повидала и испытала крымская земля... Немало прошло по её дорогам народов, культур, религий. И все они оставляли здесь частичку своих традиций и обычаев, становившихся неотъемлемым целым общей крымской культуры. Одной из особенностей этой культуры является наличие у населявших Крымский полуостров народов природоохранных традиций, основанных на религиозно-мистическом почитании некоторых объектов природы. Что это были за традиции? Какие объекты крымской природы наделялись статусом «святости»? Сохранилось ли поклонение «священным» горам, источникам, пещерам и деревьям в наше время? Ответы на эти и другие вопросы можно найти в данном очерке.

В многонациональном Крыму, где испокон веков мирно уживались различные культуры и конфессии, одним из главных факторов этого добрососедского сосуществования выступала сама крымская природа. Её неиссякаемые горные источники одинаково утоляли жажду путника любой национальности, на вершинах и склонах её вечных гор совместно вели хозяйство греки и татары, армяне и русские, караимы и болгары, а таврические леса дарили пищу, тепло и красоту как христианину, так и мусульманину.

Соответственным было и отношение человека к своей благодетельнице – природе. Более того, что необходимо у нее старались не брать, а за то, что брали, многое отдавали взамен: горные источники забирались в искусные каптажи-фонтаны, на безлесных участках гор сажали деревья, в суровую зиму в лесах подкармливали диких животных и птиц. Чувствовал предок современного крымчанина и пейзажную ценность окружающей его природы: за необычную красоту многие местности объявлялись заповедными и неприкосновенными – «святыми».

Природа объединяла крымские народы в прошлом, может она объединять их и сейчас. Для этого необходимо лишь более глубоко и уважительно относиться к Природе и помнить, что все мы – общие её дети, а значит, кровные братья и сестры между собой.

Необходимо помнить и ещё одну вещь. Судьба нашей земли зависит только от нас: будь ты русский или татарин, украинец или еврей - будущее Крыма в твоих руках. В наше смутное время голос каждого человека имеет силу. И если этот голос будет говорить лишь о личной выгоде, если он будет призывать к лозунгам типа «Крым - для русских» или «Крым - для татар», если он будет клеветать на неповинного соседа, то захлебнется этот голос в кровавой и бессмысленной вражде, которой никогда не будет конца. А если этот голос призовет к мирному совместному труду на общее благо, если этот голос перестанет хныкать по ушедшим временам и просить помощи у богатых соседей, если этот голос скажет: «Крым - наш общий дом», то воспрянет из руин наш полуостров и засветится на груди планеты яркой чистой звездой.

Своим приятным долгом автор считает выразить благодарность за ценные советы и замечания в период написания работы В. Г. Ене, Б. А. Вахрушеву, В. К. Гарагуле, Л. А. Багровой, А. Р. Никифорову, Н. Н. Благе, А. Н. Рудьку; за неоценимую помощь в подготовке рукописи к изданию В. Е. Борейко; за помощь в экспедиционном сборе материала Е. С. Панкеевой и Я. В. Мининку; за постоянную поддержку и понимание своим родителям Михаилу и Татьяне Коваленко.

Глава 1 Крымская религиозная природоохранная культура: истоки и особенности.

Скажи, ты бывал когда-нибудь в Крыму? Все там есть: горы есть, море есть, степь тоже есть. В степи воздух как пух, сам грудь поднимает. Взойдешь на гору – жалко станет человека, который тут не был. Так красиво. А за горой море с небом вместе живут, оба синие, одно другого синее. Крымские люди очень любят свой край. Где бы ни был крымский человек, непременно скажет: лучше Крыма нет земли. Таков край наш Крым. Живи только, умирать не надо...
(Старая крымская легенда).

В последнее время все чаще можно услышать уже прочно вошедшие в наш лексикон фразы: «рациональное природопользование», «природоохранная территория», «экологическое мышление» и т.д. Многие думают, что эти термины и скрывающийся под ними смысл – веяние нашего времени, когда человек начал активно охранять ещё не поддавшиеся антропогенному давлению территории и заповедовать объекты природы. На самом же деле это не так. История заповедного дела уходит своими корнями в далекое прошлое и насчитывает не одно тысячелетие.

Практически у всех народов мира с незапамятных времен существовали природные объекты, имеющие заповедный статус – горы, рощи, пещеры, родники, озера, отдельные деревья и камни. Доступ к этим территориям был строго ограничен, в их пределах запрещалась любая хозяйственная деятельность (распашка земли, охота, собирательство и т.д.), а во многих случаях такие объекты охраняла специальная стража, в права которой входило лишить жизни нарушителя [5]. С этими заповедными объектами всегда было связано чувство страха, преклонения перед силами природы, мистического трепета, чем и был им обеспечен высокий уровень защиты в веках. Такие «празаповедники» возникали, естественно, не с целями непосредственной охраны территории в качестве природного объекта, – в их основе почти всегда лежала религиозная мотивация. Священные объекты природы были связаны, как правило, с жизнью и деятельностью языческих богов и духов (гора Олимп в Греции, река Нил в Египте и др.), с культом предков (горы и рощи с родовыми кладбищами, местность вокруг могилы святого и т.д.), с важным историческим событием (Куликово поле, остров Хортица и др.). Кроме того, некоторые объекты природы становились священными просто благодаря своей необыкновенной ландшафтной зрелищности или наличию особого чувства умиротворенности. Такие места использовались для самопознания, размышлений и медитаций.

После установления христианства в качестве государственной религии, началась активная борьба с «языческими пережитками» и многие объекты природы просто уничтожались. Срубить «священное» дерево или разрушить языческое капище очень легко, но практически невозможно уничтожить память народа. Человек сможет сменить веру, но не сможет легко отречься от своих привычек. Он все равно будет возвращаться на привычное для него место поклонения и будет молиться уже другому Богу, но все на той же «священной» горе у того же «священного» дерева. Так многие священные объекты природы язычества стали священными у христиан, – они связывались с деятельностью христианского святого, жизнью или смертью какого-либо праведника, с явлением чудотворной иконы. И когда в нашей стране на смену христианству пришла другая государственная религия – коммунизм, она так же не смогла уничтожить в людских душах почитание святых мест природы. «Священные» деревья, валуны, озера, пещеры принимали статус памятника природы, а большие территории – горы, ущелья, рощи – становились заповедными урочищами и заповедниками, принимаясь под охрану государства. Но, как и у любого дела, здесь тоже имеются две стороны одной медали. С одной стороны государство охраняло объект от любой хозяйственной деятельности, а с другой – ввело полный запрет на духовное почитание объекта со стороны своих граждан и тем самым добилось окончательного искоренения у людей чувства священного в природе. А, тем не менее, многовековой опыт показывает, что только трепетное отношение к природе и искреннее понимание её святости более чем тысяча охранных документов сможет помочь природоохранному делу.

В настоящее время некоторыми деятелями природоохраны, в том числе и в нашем государстве, начинают активно разрабатываться вопросы охраны природных территорий с этических, эстетических, религиозных, культурологических и идеалистических позиций, вводится понятие о религии природоохраны, о природных заповедных святынях, об идеологии заповедного дела и т.д. Сейчас у наших людей заново пробуждается духовность и порядочность, человек обращается взором к Богу и добру – и очень важно суметь использовать этот душевный подъем в святом деле охраны природы. По справедливому мнению директора Киевского эколого-культурного центра В. Е. Борейко

«религиозная мотивация может значительно укрепить экологические усилия общественности. Без лежащего в основе этих усилий чувства священного, все природоохранные попытки, основанные только на экологических факторах и теориях, не устоят перед напором мощных сил, настроенных использовать природу для своих меркантильных целей. Участки дикой природы нужно сравнивать с храмами, созданными человеком строениями, осквернению которых противилась бы широкая общественность» [1].

Кроме того, В.Е. Борейко указывает на важность привлечения к делу борьбы за сохранение природы «местных религиозных традиций», а одной из главных задач современного природоохранного дела ставит «пробуждение у людей чувства священного в природе» [2]. Понимают важность этого вопроса и некоторые официальные лица. Так, например, в докладе Министра лесного хозяйства Республики Беларусь от 14.05.98 по случаю 200-летия лесного хозяйства Беларуси, прозвучали такие слова: «Видимо настало время, когда в рамках христианства не грех возродить народные традиции природопоклонничества, любви не только к ближнему, а и к окружающей родной природе, чтобы люди стали друзьями леса».

Первичные природоохранные традиции, связанные с религиозно-мистическим почитанием объектов природы, испокон веков существовали и на Крымском полуострове. Столкновение и смешение различных народов и культур, в течение всей истории проходившее на земле Таврики, особенности природы – все это оказало огромное влияние на формирование собственно крымской природоохранной культуры, имеющей ряд специфических особенностей.

Одной из таких важных особенностей является наследование языческих культов поклонения природе более поздними религиями – христианством и исламом, с использованием этих культов в приемлемой для новой религии форме. Древние, испытанные веками традиции зачастую были чужды новой религии, появлявшейся на берегах Таврики, но никогда не могли быть полностью уничтожены и вместе с народом – носителем этих традиций – плавно вливались в новую культуру.

Так произошло и в те далекие времена, когда на быстроходных византийских судах в Таврику пришло христианство. Христианские миссионеры вырубали «священные» роши и деревья тавров, разрушали их жертвенники и святилища, порой насильно крестили местных земледельцев и скотоводов. Люди принимали новую веру, но все так же по привычке шли молиться новому Богу на места старых языческих святилищ – к сохранившимся от уничтожения «святым» дубам, камням и родникам. Постепенно с ними связывались предания о деяниях или явлении здесь какого-либо христианского святого и тогда скала или родник становились официально почитаемыми церковью природными объектами. О происхождении какого-либо старого дерева могли говорить, что оно посажено святым человеком или растет на его могиле – и дерево так же почиталось как «святое».

Здесь можно привести несколько примеров. В восьми километрах к югу от Бахчисарая, между селами Предущельное (б. Кош-Дегермен) и Баштановка (б. Пычки), на левом берегу р. Качи находится грандиозный скальный массив Качи-Кальен. Известный крымовец В. Х. Кондараки в 1873 г. писал о скале Качи-Кальена: «По рассказам греков она названа Кальоном, потому что в древности здесь существовало какое-то капище с истуканом того же имени» [7]. Древность Качи-Кальенского святилища косвенно подтверждается и фактом обнаружения автором (февраль 2001 г.), в Четвертом гроте Качи-Кальена, в нескольких метрах ниже источника св. Анастасии, черепков лепной кизил-кобинской керамики (IX-II вв. до н.э.). Известно, что земледельческие племена кизил-кобинской культуры поклонялись божеству воды, которому приносили жертвенные дары, часто в лепных керамических горшках [11]. Скорее всего, обнаруженные у источника фрагменты керамики являлись остатками одного из таких жертвенных горшков.

Святость этого места, основанная на почитании источника воды, продолжалась и после искоренения языческого культа. Так, на основе древнего языческого капища в долине реки Качи с IX по XV века существовал православный пещерный монастырь Качи-Кальен, после завоевания Таврики войсками турок-османов (1475 год) на Качи-Кальене существовали две христианские церквушки, а после присоединения Крыма к Российской империи здесь действовала киновия св. Анастасии Узорешительницы, приписанная к Успенскому скиту [3]. Во времена советской власти киновия была ликвидирована, но местное население продолжало ходить к «священному» источнику за водой. В последнее время вновь восстанавливается святость этого места. Так, например, весной 2001 года, на праздник Пасхи, у источника св. Анастасии священник Успенского монастыря провел освящение пасхальных куличей.

В двух километрах к западу от Качи-Кальена, в верховьях Алимовой балки, на ее левом склоне, стоит большой валун, замшелая южная сторона которого покрыта группой загадочных знаков-символов, представленных системой поперечных и продольных полос-выбоин. Камень стоит

у самой туристской тропы, которая наследует средневековую дорогу, ведущую из долины Качи в долину Бельбека (в нижней части южной стороны известняковой глыбы видны следы от колесных осей древних телег, проезжавших по этой дороге). Знаки на камне явно дохристианского происхождения и, возможно, указывают на принадлежность валуна к какому-то языческому культу. О важной значимости этого камня в религиозной жизни окрестных поселений, говорит и тот факт, что местное население поклонялось валуну в Алимовой балки еще в XVIII – XIX веках [3].

Другой пример. Согласно многим древнегреческим авторам, на одном из прибрежных крымских мысов существовало грандиозное таврское святилище, посвященное главному божееству этого народа – богине Деве. Тавры приносили в жертву своей богине пленных греков, за что и получили на многие века клеймо кровожадного и жестокого народа. Существует несколько мнений по поводу локализации храма богини Девы, но чаще всего его местом расположения считают мыс Фиолент, что к югу от Севастополя. И, скорее всего, это именно так: такое крупное, известное далеко за пределами Таврики, языческое святилище таврской богини Девы не могло исчезнуть бесследно. Ведь известно, что «свято место пусто не бывает» и это подтверждается здесь: на мысе Фиолент, на месте бывшего языческого капища расположен один из крупнейших крымских религиозных центров – Балаклавский Георгиевский мужской монастырь, появившийся с начала возникновения в Крыму христианства. Преемственность языческого святилища православным монастырем интуитивно чувствовал и А. С. Пушкин во время своего посещения мыса Фиолент:

К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм.
Где крови жаждущим богам
Дымились жертвоприношенья...

Преемственность некоторых языческих культов характерна и для ислама. Святые объекты природы (родники, деревья, горы) для мусульманского населения Таврики практически всегда были связаны с деятельностью, а чаще всего – с захоронением праведного святого человека. Такие праведники, ровно как и место их захоронения назывались у татар словом «азис». Азисом мог стать праведный мусульманин, который при жизни совершал добрые дела, осуществил хадж в Мекку, был почитаем за свою мудрость. И если после смерти на его могиле замечали зеленое свечение или возле нее происходило исцеление больного человека – это был верный знак: здесь лежит святой человек, азис. Новость об азисе разлеталась мгновенно по всей округе и к его могиле спешили жаждущие исцеления от различных недугов, как телесных, так и душевных. Азис считался посредником между Аллахом и человеком. Место, где лежал азис, огораживалось, приводилось в порядок и часто отмечалось деревянным шестом, увешанным лоскутками материи, а вся округа объявлялась «священной», неприкосновенной территорией, где запрещалась всякая хозяйственная деятельность; здесь звучали лишь молитвы и просьбы Аллаху.

Некоторым азисам поклонялись так давно, что нельзя было и вспомнить был ли здесь действительно кто-то похоронен. В связи с этим еще в XIX веке автор очерка «Азисы у татар» Х. А. Монастырлы предполагал, что слово «азис» - это испорченное греческое слово «айос» - святой и добавлял: «Быть может, на местах, где теперь есть азисы, ещё задолго до появления в Крыму татар, были святилища прежних народов, посвященные разным божествам; татары же могли только приурочить к тому или другому месту почитание святых, сообразно своим религиозным понятиям» [9].

Чтобы азис давал силы побеждать врагов и делать добрые дела, при нем часто совершали обряд под названием «ставрос» (с греческого «крест»). Для этого нужно было прислониться спиной к святому объекту (дереву, скале, строению) и принять форму креста, сомкнув вместе ноги и расставив руки. Этот обычай встречался у греков-мусульман, православные предки которых были вынуждены принять ислам в 1778 году, чтобы избежать высылки за пределы своей родины, когда на берега Азовского моря по указу Екатерины II насильно вывозилось все христианское население Крыма. Несмотря на свою новую веру, эти люди чтили и помнили многие христианские обычаи.

С азисами связано несколько традиций религиозного почитания объектов природы, являющихся языческими пережитками в исламе. Так, при могиле практически каждого азиса росло старое дерево, которому поклонялись как вместилищу души праведника. Такие деревья пользовались огромным почтением и уважением, и являлись посредниками между молящимся и азисом. По старой традиции (которая, кстати, встречается у многих народов мира, в разных концах планеты), после молитвы к ветвям дерева привязывались лоскутки зеленой или красной материи от одежды просителя; считалось, что вместе с этим своеобразным жертвоприношением больного покинут все мучающие его недуги. Лоскутки материи, а также другие мелкие дары – монетки, пищу

иногда оставляли прямо у могилы, а если объектом поклонения был родник при могиле, то жертвенные монетки кидали в воду.

С азисом были связаны почитания не только отдельных примогильных деревьев, но и других объектов природы. Если азис был похоронен на вершине горы, то и вся гора становилась местом поклонения, местом обитания священного духа. Наиболее яркий пример тому – гора Святая (у татар она так и называлась «Азис» или «Аза») в горном массиве Карадаг, на вершине которой по преданию был похоронен святой человек. Азис мог быть погребен в пещере или у источника – тогда пещера становилась местом паломничества (пещера Кырк-Азис у Зуи), а родник наделялся чудодейственными, целительными свойствами (источник Козмодамиановского монастыря Савлухсу татары называли Саглысу азиси и считали, что он бьет прямо из могилы похороненного тут азиса).

Известны случаи, когда объектом религиозного почитания у татар выступали более значительные творения природы, как, например, Мойнакское озеро у Евпатории. Еще в начале 20 века у самой воды озера существовала могила азиса «отмеченная грудой камней и находящаяся в плохом состоянии». Паломники получали здесь исцеление от язв и гноящихся сыпей и совершали в «чудодейственной воде Мойнака» полное омовение, после чего «творили молитву» [4].

Другой важной особенностью основ крымской природоохранной культуры является использование общих традиций поклонения объектам природы, совместное почитание одних и тех же объектов, как мусульманами, так и христианами, что являлось результатом долгого добрососедского сожительства и взаимопроникновения друг в друга этих религий на территории Крымского полуострова.

Например, уже упоминавшаяся выше восточная традиция принесения жертвы святому путем привязывания к ветвям «священного» дерева лоскутков своей одежды, широко распространилась среди христианского населения Крыма. Многие деревья, растущие в священных для православного крымчанина местах, обвешаны лоскутками материи, оставленными богомольцами как память о посещении святого места. Единственное сохранившееся до нашего времени «святое» дерево, почитаемое христианами – многовековая черешня у источника св. Анастасии в Качи-Кальене, все ветви которой обвешаны тряпичными кусочками.

В других местах горного Крыма так же можно встретить обвешанные тряпочками, (а чаще кусками полиэтилена) деревья, расположенные у известных, широко посещаемых туристами объектов природы и истории – на Чуфут-Кале, в Большом каньоне Крыма, у водопада Джур-Джур и др. Но все это лишь веяние моды, не имеющее ничего общего с истинным глубоким значением старой традиции. Обвешанные тряпочками и полиэтиленом деревья, растущие не в «святом» месте, не только оскорбляют древнюю общекрымскую религиозную традицию, но так же загрязняют природу и нарушают её пейзажную красоту.

Христианами и мусульманами не только одинаково использовались некоторые традиции, но и совместно почитались многие «святые» места крымской природы. Особенно ярко это наблюдалось по отношению к горным источникам. Мусульмане не только верили в целебную силу «святых» источников, официально признанных Таврической епархией – Козмодамиановского, Кизилташского, источника св. Параскевы, св. Анастасии, св. Андрея и многих других, но и приходили на молебны к этим источникам во время христианских церковных праздников. Нередки бывали случаи, когда татары совершали омовение или молились у «святого» источника христиан в тайне от своего муллы.

Известны случаи совместного христианско-мусульманского поклонения горам, деревьям и пещерам. На вершину Карадага, к горе Святой поднимались на молитву как православные греки и болгары, так и татары; у Козмодамиановского монастыря росли «священные» деревья, которым одинаково поклонялись и русские, и татарские паломники; пещера Кырк-Азис у Зуи почиталась как место мученической гибели нескольких праведников как у татар, так и у русских.

К горе Ай-Йори, где в средневековье находился православный греческий монастырь Св. Георгия, ежегодно, 23 апреля, когда христианская церковь празднует день этого святого, из Алушты и окрестных деревень на площадку перед скалой стекались массы татар. «Еще не так давно, после совершения молитвы, под контролем стариков, молодежь вступала в единоборство за незатейливые призы, а ещё раньше устраивались красивые, удалые джигитовки» [8]. И таких примеров мирного сосуществования двух религий и поклонения их последователей одним и тем же «святым» местам в Крыму можно найти великое множество.

В крымской религиозной природоохранной культуре ярко прослеживается наличие комплексности природных сакральных объектов. Структура такого комплекса включает в себя 2 – 3 «священных» объекта природы и чаще всего встречается в виде своеобразного «священного урочища» – «священная» гора (скала, пещера) – «священный» источник – «священное» дерево.

Наиболее ярким примером такого комплекса в настоящее время выступает уже упоминавшийся выше Качи-Кальен, в «Церковном гроте» которого, около «священного» источника св. Анастасии, растёт «священное» дерево черешни. «Само зрелище Большого грота с источником и растущим чуть ниже вековым деревом вряд ли кого может оставить равнодушным: немного найдется на земле мест, которые бы с большим основанием заслуживали название храма в полном смысле этого слова: его готические своды воздвигла сама природа. Еще большее впечатление он должен был производить на наших предков, поклонявшихся скалам, деревьям, источникам» [10].

Чаще сакральный природный комплекс включал в себя две составляющие: источник-дерево, источник-гора, источник-пещера. И всегда центральным ядром выступал источник воды – основа жизни в засушливых Крымских горах. У родников возводились средневековые храмы, происходили важные исторические события, с родниками связывались предания о чудесных исцелениях, возле них хоронили святых людей – все это служило поводом к обожествлению источника. От родника статус святости переключивался на близлежащую форму рельефа – гору, скалу, пещеру, балку, а так же на растущее рядом оригинальное (старого возраста или необычной формы) дерево. Все урочище чаще всего получало единое имя, в силу статуса святости и неприкосновенности сохраняло свой биоресурсный потенциал, имело высокую степень защиты от хозяйственного использования местным населением, и тем самым являлось прототипом современных заповедных урочищ.

Первичные природоохранные традиции, связанные с религиозным отношением к природе, были характерны для всех народов, населявших Крымский полуостров. Но вместе с тем, у разных этнокультурных сообществ, одни объекты природы почитались больше, чем другие, что во многом было связано с особенностями их культуры и хозяйственной деятельности.

Так, у скотоводческих таврских племен основным объектом поклонения в природе выступали пещеры и гроты, расположенные по пути на горные пастбища, где отправлялись культы поклонения скотоводческому божеству, а позже, с развитием земледелия, культы божества воды – основы хорошего урожая.

Более цивилизованные и высококультурные греки у горных источников и на вершинах отдельных гор возводили многочисленные храмы и монастыри. Святость культового сооружения постепенно распространялась на источник и гору, которые становились почитаемым уголком природы и получали название по имени храма. Большинство средневековых греческих монастырей кануло в Лету, но об их былом местоположении все ещё говорят греческие топонимы с приставкой «Ай» (от греч. «Айос» - святой): Ай-Петри, Ай-Тодор, Ай-Йори, Ай-Лия, Ай-Серес и многие другие.

В отличие от греков, татарское население края относилось к природе больше как к области хозяйственного использования, чем к области духовного. Поэтому и мало у татар «святых» гор (пастбищные уголья), практически нет «святых» рощ и деревьев (пища для скота, древесный уголь и т.д.), но высоко почитание пресной воды горных источников – как основы главных отраслей хозяйства.

У крымских армян – из-за их малочисленности и компактности проживания в прошлом (исключительно на территории юго-восточного Крыма) – встречается незначительное количество «святых» объектов природы. Это, прежде всего, гора Сурб-Хач («Святой крест»), на склонах которой располагается духовный центр армянского народа, монастырь Сурб-Хач, а так же три источника-фонтана на территории монастыря, которые почитались целебными и имели названия Источник Практичности, Источник Силы, Источник Красоты и Молодости. До нашего времени только в Источнике Силы еще журчит священная вода, остальные же два ныне безводны.

У караимов особо выделялось почитание деревьев. Ещё до наших дней сохранилась «священная» дубовая роща у Чуфут-Кале – главная караимская святыня. Во время рубки леса на хозяйственные нужды караимы никогда не трогали фруктовые деревья и кустарники (кизил, лещину, черешню, яблоню и др.) – уничтожение плодовых пород считалось большим грехом. Необходимую рубку леса караимы компенсировали искусственными посадками: молодой человек не имел права жениться, пока он не посадил дерево и не каптировал горный источник [6].

Крымчаки так же имели почитаемые объекты природы, но до наших дней конкретные данные об особенностях природоохранных традиций этого народа, практически полностью уничтоженного фашистами во время Великой Отечественной войны, к сожалению, не дошли. У носителей крымчакской культуры сохранились лишь скудные данные о том, что их предки почитали гору Ак-Кая (Белая скала) у Белогорска (б. Карасубазар) – места компактного проживания крымчаков.

Поклонение «святим» объектам природы и связанные с ними культурные традиции сыграли главную роль в формировании экологического мышления населявших Крым народов.

Исключительно благодаря религиозно-мистическому почитанию некоторых природных территорий, до нашего времени дожили не только сами эти места, но и в значительной степени сохранился их биоресурсный потенциал.

После установления в Крыму советской власти большинство «священных» объектов природы вошли в состав территорий природно-заповедного фонда или же сами получили статус памятника природы. В настоящее время почти все территории, почитавшиеся в прошлом как «святые» места, включены в состав проектируемого в Горном Крыму национального парка «Таврида». А часть из них восстанавливает свою былую славу природных святынь и притягивает к себе на поклон богомольцев со всех уголков Крымского полуострова.

Литература

1. Борейко В.Е. Святылища дикой природы. - Киев, 1998.
2. Борейко В.Е. Священные горы. – Киев, 1999.
3. Веймарн Е.В., Чорев М. Я. «Корабль» на Каче. – Симферополь: «Таврия», 1976.
4. Гаспринский И. Крымские азисы // Восточный сборник. Кн.1. СПб, 1913.
5. Гребер Линда. Дикая природа как священное пространство. – Киев, 1999.
6. Коваленко И. Первые заповедники // Таврические ведомости, № 47 (296), 15.12.2000.
7. Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. – Николаев, 1873.
8. Крым. Путеводитель. – Симферополь, 1914.
9. Монастырлы Х. А. Азисы у татар // Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. – Симферополь, 1890.
10. Фадеева Т. М. Крым в сакральном пространстве. – Симферополь: «Бизнес-Информ», 2000.
11. Щепинский А. А. Красные пещеры. – Симферополь: «Таврия», 1987.

Глава 2 «Священные» источники Крыма.

*Если вид источника вызывает поэтическое настроение в душе современного человека, далеко отошедшего своею жизнью от природы, то насколько сильнее должно было быть это чувство у наших предков, живших на лоне самой природы.
(Элизе Реклю)*

Крымский полуостров недостаточно обеспечен пресноводными ресурсами и поэтому у всех народов, в разные времена населявших этот благодатный край, существовало трепетное отношение к источникам пресной воды. Здесь, под палящим солнцем, понималось истинное значение каждой капли воды; даже самый незначительный ручеек или родник вводился в систему водоснабжения и орошения, трудясь на благо человека. И неудивительно, что вид холодной прозрачной струйки воды посреди безжизненных скал зачастую внушал нашим предкам благоговейный страх перед силами, сотворившими это чудо, поэтому многие родники в Крыму обожествлялись и становились объектами религиозного поклонения. А если с водой источника связывалась какая-нибудь легенда или предание, как правило, о его целебных свойствах, то родник становился местом паломничества богомольцев со всех концов полуострова. Характерной особенностью «святых» крымских источников являлось то, что к ним на поклонение устремлялись люди различных вер и национальностей, – целительная вода одинаково помогала всем страждущим. В Крыму, где испокон веков происходило мирное смешение

восточной и западной культур, целебные источники являлись одним из главных символов этого соседского сожительства.

При выходе на поверхность наиболее крупных и значимых источников, с целью более рационального использования водных ресурсов, сооружались искусные архитектурные сооружения – каптажи, собирающие, транспортирующие и регулирующие подземный сток. Большинство таких каптажей являлось поистине величественными памятниками крымского гидротехнического зодчества. В непосредственной близости от некоторых источников возводились культовые сооружения, одной из обязанностей служителей которых были присмотр и уход за родником и окружающей его территорией. Как подтверждение этому – слова известного гидролога Н. В. Рухлова: «На местах выхода на поверхность родниковых вод нередко можно встретить развалины греческих церквей или даже монастырей, и здесь уже выходы родников так или иначе обделаны и укреплены» [17].

Поклонение источникам воды существовало на территории Крыма с древнейших времен. Так, в 8 км севернее Керчи находится разрушенный каптаж источника, время возникновения которого относится к середине I века нашей эры. Каптаж источника представлял собою подземную галерею, в которую вела каменная лестница и колодец. Об этом источнике сохранились эпиграфические данные, исходя из которых явствует, что он находился под покровительством древнегреческого бога-целителя Асклепия, так как обладал лечебными свойствами [1]. Вполне возможно, что в античной Таврике существовали и другие «священные» источники, связанные с культом Асклепия.

Но все же наибольшее число «святых» крымских родников связано не с античным периодом, а со временем проникновения в Таврику христианства, которое прибыло сюда вместе с выходцами из Византии. Исповедывавшие христианство греки, жившие, преимущественно, в южнобережной полосе Крымского полуострова, возводили здесь десятки монастырей, при каждом из которых существовал свой источник воды. Часть из этих родников наделялась целебными свойствами после постройки монастыря или церкви, а некоторые, наоборот, за счет почитания местными жителями сами служили первопричиной возведения культового сооружения. И источник, и монастырь часто имели общее название и были посвящены какому-либо христианскому святому. На карте горного Крыма до сих пор встречаются греческие названия родников, говорящие об их прошлой принадлежности к монастырю и напоминающие о своей былой славе «святых» источников. Таковы гидронимы Ай-Алексий (св. Алексей), Ай-Андрит (св. Андрей), Ай-Настаси (св. Анастасия) и Ай-Ян-Петри (св. Иоанн и св. Петр) в окрестностях с. Генеральское (б. Мега-Потам, Улу-Узень), Ай-Йори (св. Георгий) над с. Изобильное (б. Корбеклы), Ай-Лия (св. Илья) выше пос. Малый Маяк (б. Биюк-Ламбат), Ай-Констанди (св. Константин) при с. Лучистое (б. Фуна, Демирджи), Ай-Ян (св. Иоанн) около Ливадии и у с. Перевальное (б. Аян), Ай-Кузьма (св. Козьма) вблизи с. Высокое (б. Ашага-Керменчик) у Ай-Василь (св. Василий) в окрестностях Ялты и многие другие [11].

Вода некоторых из этих источников забиралась в подземную галерею, а сама церковь строилась непосредственно над ней. Таким образом, получалось, что родник вытекал прямо из-под церковного алтаря (источники Ай-Лия, Ай-Андрит, Ай-Ян и др.) [6]. Каптажи же тех источников, которые находились на некотором удалении от монастыря, имели какую-нибудь христианскую символику: чаще всего каптаж был стилизован под небольшую греческую часовенку с двускатной крышей, нишами для иконок, иногда дверью. Такие каптажи-часовенки ещё сохранились на Южном берегу Крыма в селе Генеральском (фонтаны в форме греческих часовенок – Ай-Алексий и Текне-Чокрак по дороге на Караби-яйлу, фонтан Джан-Чокрак в самом селе), в окрестностях села Запрудное (б. Дегерменкой) – источник Ай-Фими и в ряде других.

Из-за давности постройки большинство памятников греческой гидротехнической архитектуры до нашего времени не сохранилось. После исхода из Таврики в 1778 году крымских греков каптажи горных источников из-за отсутствия ухода и ремонта пришли в запустение, а нередко и специально разрушались оставшимся мусульманским населением (в одних случаях греческие каптажи полностью переделывались с учетом традиций мусульманской архитектуры, в других – к ним добавлялась какая-либо мусульманская символика). Здесь можно привести пример фонтана в с. Генеральское, каптаж которого, стилизован под греческую православную часовенку, но на месте ниши для иконы имеет татарскую закладную плиту, явно вторичного происхождения, с текстом из Корана, основная часть которого из-за плохого состояния не поддается расшифровке. Интересно, что верхняя часть плиты, где обычно изображается символ ислама – полумесяц, старательно затерта чей-то рукой. Скорее всего, это отголоски событий периода становления советской власти в Крыму, когда всякое присутствие религиозной символики на общественных

сооружениях (в том числе и на фонтанах) было совсем нежелательно. Так, фонтан с. Генеральское (татарское название Джан-Чокрак («Душевный источник»), а греческий топоним мы уже никогда не узнаем), претерпел на своем веку несколько изменений, служил и православному, и мусульманскому населению, а ныне является главной архитектурной достопримечательностью села Генеральское, за что рекомендуется нами к охране как памятник истории и культуры.

Во второй половине 20 века на месте многих разрушенных источников-фонтанов были возведены новые гидросооружения: однотипные каптажные будки, не представляющие никакой эстетико-культурной ценности. Такие бетонные, выкрашенные белилами будки, от которых отходит система водопроводных труб, снабжающая водой близлежащие села, находятся на месте некоторых «святых» источников: Ай-Лия над Малым Маяком (б. Биюк-Ламбат), Ай-Констанди у с. Лучистого (б. Фуна, Демирджи), Ай-Йори у с. Изобильное (б. Корбеклы), Ай-Фими около с. Запрудное (б. Дегерменкой) и др.

Одним из самых почитаемых в Крыму был источник Ай-Андрит (Св. Андрей, или, как его называли местные татары, «водопад святого Андрея», «монастырь Эндри»). Источник расположен в полутора километрах к юго-западу от с. Генеральское (б. Мега-Потам, Улу-Узень) в том месте, где, по преданию, в 1 веке н. э. проповедовал Св. Андрей Первозванный. Его молитвами возник этот источник, здесь же многие жители Таврики приняли христианство. В средние века над родником существовала церковь, посвященная св. Андрею, развалины которой сохранились до наших дней. Водоток источника был забран в каменную галерею-туннель, расположенную под церковным алтарем, откуда и вытекала святая вода. Сравнительно хорошо сохранившиеся остатки церкви с тесанными колоннами были разобраны местными татарами весной 1913 года. В настоящее время это, святое для всех православных крымчан, место вновь притягивает к себе внимание. Так, 12 и 25 сентября 2000 года к источнику был совершен крестный ход, возглавляемый настоятелем алуштинского храма Св. Федора Стратилата и Всех Крымских Святых отцом Михаилом. Вода источника была вновь освящена, а у развалин церкви Св. Андрея водружен деревянный крест.

Так же давно, со средневековья, как и источник св. Андрея, в Крыму почитают источник святой Анастасии Узорешительницы («Ай-Анастасия»), расположенный в Церковном гроте «пещерного монастыря» Качи-Кальон, в правом борту р. Кача у с. Баштановка (б. Пычки). Выход источника отделан в форме небольшого округлого колодца, вырубленного в коренной породе – мшанковом известняке. Раньше колодец был «обложен кругом камнями», а над источником находилась «крыша на железных столбах». Рядом находилась «убогая хижина, в которой помещается полусломанная кровать для женщин, разрешающихся от бремени». Таким его могли видеть путешественники конца 19 века, судя по описанию Качи-Кальена в путеводителе Г. Москвича. Позади источника, в скале вырублен рельефный христианский крест и три ниши для икон, в которых стояли иконы Богоматери, св. Анастасии и евангелиста Матвея. Об этом источнике упоминает в 1837 году в своем «Крымском сборнике» П. Кеппен. Он пишет, что в самом большом гроте Качи-Кальена существует «достопримечательный источник, обращенный в колодезь и называемый колодезем св. Анастасии или просто Святою водою». Евгений Марков, путешествовавший по Крыму в конце 19 века, вспоминал, что источник был «обделан в каменный бассейнчик, под которым лежит старая полуистертая икона и видны следы копоты и восковых свечей» [13].

Народная молва донесла предание о храброй девочке Анастасии, которая, спасая свое стадо, погибла в пещерах Качи-Кальена от лап живших здесь страшных чудовищ и змей. Такого ужаса не выдержала скала и похоронила под своими обломками всех чудовищ. А поутру из безжизненной скалы начала сочиться струйка родниковой воды – то плакал Качи-Кальен по загубленной детской душе. С тех пор источник в Качи-Кальене, получивший название «Святая Анастасия», считается «священным» и до сих пор остается одним из самых почитаемых в Крыму.

Источник Ай-Анастасии почитали не только местные греки-христиане, в наибольшем количестве собиравшиеся здесь 22 декабря, но и татары. В настоящее время колодец разрушен, вода в нем не пригодна для питья, иконы и «крыша на железных столбах» не сохранились.

Иногда источник наделялся целебными свойствами и обожествлялся в результате чудесного исцеления его водой. Так произошло, например, с известным всем симферопольцам родником, расположенным в самом центре города, в парке за к/т «Симферополь», в тенистом уголке набережной р. Салгир.

По преданию, в Симферополе жил слепой грек Апостол Савопуло, который однажды – 1 мая 1857 г. – получил исцеление от своей болезни благодаря промыванию глаз водой из этого родника. В тот же год, в честь своего чудесного выздоровления, Савопуло соорудил на месте родника красивый

фонтан, в виде фигурной известняковой плиты, венчающейся резным карнизом. Выход источника он оформил в виде человеческого лица, изо рта которого вытекала вода, собиравшаяся в небольшую чашу, а посередине плиты, в неглубокой полусферической нише, высек надпись: «Сей фонтан был сооружен греком Апостолом Савопуло в 1857г». С двух сторон от чаши на цепочках висели две металлические кружки для удобства жаждущих. Фонтан неоднократно реставрировался – в 1881г, какие-то работы проводились здесь в августе 1906г, затем рука реставратора прикоснулась к нему в 1994г. В результате надпись на фонтане слегка изменилась и перекечевала на плиту из белого мрамора, установленную в 1994г, после того как неизвестные вандалы изуродовали фонтан в начале 90-х гг.

У фонтана Савопуло снималась одна из сцен художественного фильма "Шофер на один рейс" (1981). Главные герои (Шукшина с Ефремовым), гуляя по Симферополю, направились к фонтану и пили там воду из родника. Строительную надпись во время съемок фильма замазали.

В духовной жизни дореволюционного Симферополя фонтан Савопуло играл немаловажную роль. Памятуя о чудесном исцелении грека, население города считало этот источник «священным». На особое отношение к нему указывают и различные названия родника на греческом и тюркском языках: Ай-Неро, Айя-Вриси, Ай-Су, Ай-Чешме, Азис-Су, Азис-Чешме – все это переводится как «святая вода» или «святой фонтан».

Большое значение имел он для крымских татар. Немного выше и левее источника находилась могила одного из самых почитаемых татарских святых – азиса «Салгир-баба». Могила этого святого посещалась массой богомольцев, оставлявших на растущих вокруг могилы кустах сирени лоскутки материи, и веривших, что с ними покидают они здесь все свои болезни. После поклонения могиле святого татары спешили к фонтану, чтобы умыться целительной водой. Вода из «святого» фонтана, расположенного у азиса «Салгир-баба», с успехом продавалась смотрителем могилы всем искавшим исцеление от своих бед и невзгод. Считалось, что лучше всего вода источника Азис-су исцеляет от лихорадки.

Русское же население верило, что питье воды из «греческого фонтана» способствует исчезновению болезни – каттары желудка. С дальних концов города люди ходили утром умыться его водой, и выпить её натошак, маленькими глотками, принимая внутрь как лекарство. В народе так же ходило поверье, что если кто первым умоется и выпьет эту воду 1 мая, тот излечит себе любую болезнь, а накануне, ночью, городской садовник всегда клал у фонтана букет цветов, как благодарность за его целебную силу.

И хотя больше века прошло с той поры, симферопольцы не забывают о целебных свойствах фонтана: ежедневно, в любое время года, можно встретить здесь людей с ведрами и бидончиками, набирающих родниковую воду [9].

Интересное воспоминание из своего детства, ярко характеризующее божественное отношение к воде у крымских греков, приводит симферопольский краевед В. К. Гарагуля: «...Бабушка умылась. Протерла глаза и уши. Подставила сомкнутые ладони под струйку воды и, прикасаясь кончиками пальцев к каменной стене фонтана, начала читать известную мне самую главную молитву: «Во имя Отца (она сделала глоток и снова наполнила ладони) ...и Сына (она проделала то же самое) ...и Святого Духа (снова то же самое) ... Аминь! Теперь ты (я повторил, что сделала она). Так поступали наши предки у этого фонтана и у других, и у родников» [3]. Если человек заболел, то он должен был прочитать молитву и сделать четыре глотка после слов «Отец», «Сын», «Дух святой» и «Аминь», но обязательно в полном одиночестве.

Интересно, что у крымских греков целебной считалась только живая, бегущая вода, то есть вода из фонтанов и родников. Колодезная же, стоячая вода считалась мертвой, потому пригодной лишь на хозяйственные нужды.

Не менее трепетным, чем у греков-христиан, отношение к родниковой воде было и у татарского населения Крыма. Жизнь и благосостояние татарина, чьи дни протекали посреди выжженных горных склонов и сухих яйлинских пастбищ, напрямую зависела от воды горных источников. Там, где был родник, – там была жизнь, там зеленели сады и виноградники, там толпились стада овец и коров, звучал детский смех и играла музыка. Там, где не было родника, – была смерть. Это правило хорошо усвоили татары, и поэтому любую, самую тоненькую струйку воды, найденную ими в горах, с невероятным упорством и терпением разрабатывали в стремительный ручеек.

Известный крымский краевед Е.Л. Марков в конце XIX века писал: «Татары ищут ключей, как золота, и дорожат ими, как золотом... Татары имеют такое же чутье подземных жил, как золотопромышленники чутье рудоносных жил. С необыкновенным искусством и терпением они

сберегают воду и отводят её на свои плантации и сады... Татарин – маэстро орошения и проведения вод. Поэтому же он сам так высоко ценит благодеяние оводнения» [13].

Н. В. Рухлов, написавший в 1915 году серьезный научный труд «Обзор речных долин горной части Крыма», считал, что «самым живым и доказательным памятником высоты развития оросительного дела в старину служит само татарское население края, его опытность и любовь к этому делу, искусство его... если не в постройке сложнейших гидротехнических сооружений, то в обхождении с водою. Это искусство скоро и легко не приобретается, а потому и составляет важное наследие, доставшееся современному Крыму» [17].

В целях увеличения дебита родника, сохранения от заиления и загрязнения его подземный водоток нередко заключался в каменную галерею-туннель, которая не только собирала инфильтрационную воду, но и являлась мощным конденсатором атмосферной влаги в сухое время года. Само же место выхода воды на поверхность обрамлялось в искусный каптаж, вид которого, завися от фантазии строителя, мог принимать совершенно разную форму. Если фонтан (так русскоязычное население Крыма называло каптированные источники) строился на средства деревни, то для этого дела призывался определенный мастер – чешмеджи, а для последующего ухода и присмотра за фонтаном и окружающей его водосборной территорией назначался специальный человек – мутавели. Такие фонтаны предназначались для общественного употребления и назывались вакуфными фонтанами. Но чаще всего каптаж источника сооружался силами какого-либо одного человека. Это объяснялось тем, что устройство придорожного фонтана на благо путника у татар являлось высшей земной добродетелью и сильно поощрялось Аллахом. Говорили, что строительство фонтана – это дело, «за которое Пророк так охотно открывает правоверному двери рая». В связи с таким религиозным значением фонтанов на большинстве из них вырезалась строительная надпись – тарих, где приводилось какое-либо изречение из Корана, год постройки, а так же имя строителя, чтобы проходящий люд, утолив жажду, мог помолиться за его здоровье. Приведем для примера некоторые из крымских фонтанных тарихов:

«Слава Всевышнему, милость великого Крым-Гирея славно устроила. Неусыпными его стараниями вода напоила эту страну. Тонкостью ума он нашел воду и устроил прекрасный фонтан. Если кто хочет поверить, пусть придет. О, шейхи! Кто будет утолять жажду, пускай языком своим скажет слово: Приди, пей воду чистойшую, она приносит исцеление» (фонтан Бахчисарайского дворца) [2].

«Там, в райском саду праведные будут пить воду» (фонтан Бахчисарайского дворца) [2].

«Тот, кто построил этот источник, обнаружил его на этом месте. И появился он – источник жизни. Источник Хаджи Ахмеда, да журчит звонко его вода!» (фонтан в Судаке) [18].

«Великий хан – Ислам Гирей построил этот источник прекрасный и чистый. Его вода и камни подобны тем, что в райских источниках. Прекрасный родник – источник жизни» (фонтан в Евпатории) [18].

Иногда фонтан строился на деньги какого-либо обеспеченного татарина, который сам не участвовал в постройке, но оплачивал работу мастера фонтанных дел – чешмеджи. В таком случае на источнике помещалась надпись с именем хозяина-спонсора. Например: *«Хозяин богатств Хаджи Курт Омар ибн Хаджи Ахмад. 1315 год Хиджры. Алушта»* (фонтан Чобан-чокрак в урочище Джурла), *«Хозяин богатств – добрых дел Абу ал-Карим бн Мустафа»* (фонтан у т/б «Привал» в Бахчисарае).

Вполне естественно, что слова фонтанных тарихов наводили на мысль о святости и чудедействии родниковой воды, следствием чего становилось бережное отношение к источнику и его водосборной площади, а это уже являлось основой рационального водопользования и природоохранной культуры крымских татар [10].

Среди общего почитания водных источников, особым поклонением выделялись родники при мечетях, вода которых использовалась мусульманами для религиозного омовения, а так же родники около могилы святого праведника – азиса. Одними из самых почитаемых источников в среде крымских мусульман был фонтан в предместье Бахчисарая Кырк-Азислер, где похоронено несколько мусульманских святых, фонтан Азис-Чешме в Симферополе, потерянный ныне фонтан Эфенди-Чешме у могилы татарского святого Кемаль-бабая на Карадаге, фонтан на южной окраине Белогорска. Последний представлял собой «источник, вытекающий из каменного бассейна, осененного пятью огромными вязами», на ветвях которых были «развешаны разноцветные тряпки, составляющие приношения бедных людей, вылечившихся употреблением воды из этого источника, славящегося в окрестностях своею целебною силою [16]».

У караимов особым почтением пользуется «священный» источник Юсуф-Чокрак, расположенный у подножья юго-западного склона горы Бешик-Тау, на развилке дорог, ведущих к Чуфут-Кале, Тепе-Кермену и Кыз-Кермену. В недрах этой горы по преданию скрыта волшебная колыбель, в которой должен родиться будущий Спаситель Мира. Современный каптаж источника Юсуф-Чокрак представляет собой бетонный прямоугольный резервуар, но безусловно, что раньше источник имел другой — более привлекательный каптаж, который по неизвестным сейчас причинам был разрушен. Это подтверждает и то, что на картах начала XX века на месте источника стоит надпись «фонтан».

В 15-ти метрах выше современного выхода источника находится, ныне засыпанный землей, вход в подземную галерею, служащую для сбора и транспортировки подземных вод г. Бешик-Тау. Галерея подземного хода отличается интересным архитектурным исполнением и представляет собой 28-метровый туннель, уходящий вглубь горы, с высотой свода 1.7 м и шириной около 60 см. Стены, свод и пол галереи выложены тесаными плитами, причем свод сделан в виде стрельчатой двускатной арки, а по середине плит пола вырублен желобок, по которому течет родниковая вода. Галерея выполняет не только транспортировку воды, но и водосборную функцию. На это указывает наличие 9 боковых каналов, перехватывающих изолированные водные потоки, что поступают в основной ход туннеля. Собранная в тупиковой части вода, выходит на дневную поверхность по привходовому отрезку туннеля, где посередине сплошной вымостки из плотно подогнанных плит, вырублен прямоугольный лоток, по которому и бежит вода. На своём протяжении лоток имеет два корытообразных прямоугольных расширения, предназначенных для оседания находящихся в воде глинистых частиц [8].

В путеводителе Ф. Ливонова по Крыму 1875 года написано «у подошвы горы Бешик-даг находится источник воды Юсуп-чокрак (т.е. фонтан Иосифа), сооруженный неким Иосифом в свою память». Подземный каптаж источника представляет собой уникальное творение носителей традиции крымской гидротехнической архитектуры, а если к этому учесть, что Юсуф-Чокрак являлся важной святыней караимского народа (возможно именно поэтому фонтан источника и привходовая часть его подземной галереи были разрушены), то он несомненно может быть рекомендован к охране как памятник истории и культуры крымских караимов.

После присоединения полуострова к Российской империи в 1783 году в крымской культуре водопользования стал наступать новый этап, окончательно сформировавшийся к середине XIX века. После выселения из Крыма значительной части греческого и татарского населения, воспитанное вековыми традициями повсеместное трепетное, религиозное отношение к источникам воды стало постепенно угасать. У переселенцев из равнинных территорий России, лишенных самого понятия о горном источнике, исторически сложился свой собственный тип отношения к «малой воде», который они и принесли в Таврику. Со второй половины XIX века началось активное хозяйственное использование крымских земель, возникало промышленное производство, увеличивался прирост населения: для всего этого требовалось большое количество воды. Воды хоть и многочисленных, но малобитных фонтанов перестало хватать: практичный Запад стал покорять романтический Восток — по всему Крыму строились водопроводы и рылись артезианские колодцы, а о воде горных источников начали забывать, неутомимые труженики-родники стали теперь не нужны.

Но душа человека не может жить без чуда. Так и новые обитатели крымской земли вскоре стали посещать некоторые из горных источников, слава о целебной воде которых ходила среди местных жителей — оставшихся греков и татар. В 50-х годах XIX века несколько таких почитаемых крымским народом источников по благословению Херсонско-Таврической епархии были признаны святыми и возле них возникли православные христианские монастыри — Козмодамиановский, Кизилташский и Троице-Параскевский Топловский монастырь. На территории монастырей была запрещена любая хозяйственная деятельность, святые источники забирались в каптажи и подвергались постоянному присмотру со стороны монахов, в их округе должна была соблюдаться тишина и спокойствие, — монастырские хозяйства становились истинными предшественниками современных крымских заповедников.

Одним из самых почитаемых в Крыму был монастырь Св. Козьмы и Дамиана, расположенный у западного подножия горного массива Чатырдаг, в верховьях р. Альмы. Монастырь был построен в 1857 году при источнике Козьмы и Дамиана, вода которого почиталась у местного населения исцеляющей от всех болезней. По поводу названия источника и особого к нему отношения точных исторических данных нет, но среди крымчан бытует несколько связанных с ним преданий. Одно из них говорит, что некогда в Крыму практиковал греческий врач, имевший двух учеников — братьев-близнецов Козьму и Дамиана. Со временем талантливые ученики превзошли в умении

врачевать своего учителя, и тот из ревности убил обоих. Но вскоре убийца раскаялся и просил Бога, чтобы на месте гибели его учеников возникли родники, вода которых лечила бы вместо убитых братьев. После долгих молитв на месте убийства забили два ключа с «чудесной» водой. Врач после этого помешался, оставил христианскую веру и принял магометанство. Еще в конце XIX века татары могли показать его могилу вблизи нынешнего поселка Малый Маяк (б. Биюк-Ламбат).

Другой вариант легенды приводит В. Х. Кондараки в своем капитальном труде «Универсальное описание Крыма», вышедшем в свет в 1883 году: «По народному преданию в ущелье, куда ныне стекаются паломники, и которое именовалось прежде Савлук-Су, т.е. водою, возвращающую здоровье, проживали некогда святые чудотворцы Козьма и Даминиан, откуда они приходили, сопровождаемые львом во внутрь Крыма и исцеляли народ. Для подтверждения передаваемого старики-греки прибавляли, что от родителей они слыхали о существовании около этого источника признаков двух могил, принадлежащих этим угодникам. О том, каким образом открыта целебность источника, они говорили, что однажды к нему приблизился с козами пастух, пораженный проказою, и вследствие изнурения заснул. К нему явились во сне двое мужчин с ореолами на глазах и, объявив, что их именуют Козьмою и Даминианом, приказали больному погрузиться в источник, которому они дали свойство исцелять страждущих душевными и телесными болезнями. Пастух, очнувшись, бросился в воду и, выскочив из нее, опять заснул. Чудотворцы снова явились к нему и сказали: ты будешь совершенно здоров сегодня же, но помни, что ты должен ежегодно 1 июля являться к нашему источнику для омовения тела. Советуй это и братьям своим, страждущим и болящим, которые верят в нашу помощь. К этому прибавляют, что в последствии христиане, обитавшие в окрестностях, построили здесь храм во имя этих святых и стекались сюда со всех мест больные, получавшие немедленное выздоровление» [12].

Очень быстро слава о целительной воде источника разнеслась по Крыму и ежегодно 1 июля направлялась к источнику длинная вереница воловьих подвод со всех концов полуострова. Сюда целыми семьями ехали и шли сотни паломников, причем не только христиане, но и мусульмане-татары. Они считали, что здесь похоронен святой «правоверный» - азис, из могилы которого и вытекает источник. Святого они называли Саглысу азиси (Азис святой воды) и верили, что лучше всего вода вылечивает от дурного глаза и меланхолии.

«Магометане почитают священный источник христиан с такой же детской искренностью и суеверием, как пилигримы нашего простонародья», – писал Е. Л. Марков [13]. За версту от источника паломники останавливались, переодевались в праздничные одежды и пешком шли к монастырю.

«В углублении оврага блестят два небольших, чистых, как хрусталь, источника, – вспоминает о своем пребывании в монастыре В. Х. Кондараки, – вливающихся в устроенный бассейн, укрытый досками сверху и по сторонам – это и есть источники Св. Козьмы и Даминиана, из которых пилигримы черпают и с благоговением пьют воду, а в бассейне купаются немощные и больные. Больные после ванны считают непереносимым долгом привесить к стенам бассейна, по обычаю татар, клочки от одежды своей, в том убеждении, что вместе с ними останутся здесь и угнетающие их недуги. Все это время происходит богослужение, приличное кануну празднования церкви в память этих угодников Божьих» [12].

А с рассвета 1 июля в становище пилигримов открывались лавки с продуктами и винами, звучала музыка и песни, шло народное гуляние. Но только закончился обед, хозяйки мигом складывают в мажары свое имущество, и вот уже караван трогается в обратный путь. «Дикая местность снова опустела и там, где несколько часов тому назад пировали лица, собравшиеся с разных мест полуострова, – все мертво по прежнему и разве только несколько волков недоверчиво подкрадываются к остаткам их праздничных обедов» [12].

В настоящее время Козмодамиановский монастырь, находящийся на территории Крымского природного заповедника, является одним из самых почитаемых в Крыму: сюда, во все ещё дикую местность, направляются богомольцы и вездесущие туристы со всех концов таврической земли.

Не забыта и целебная сила воды Козмодамиановского источника – на её основе в Алуште выпускается лечебная минеральная вода «Савлук-су». Вода имеет гидрокарбонатный состав с катионами Ca (40-85 мг/дм³), Mg (< 25 мг/дм³), (Na+K) (< 25 мг/дм³) и минерализацией 0,2-0,4 г/дм³. В состав воды источника Савлук-Су входят и некоторые специфические компоненты: повышенное содержание органического вещества (5-15 мг/дм³) и ионы серебра (0,00015-0,00035 мг/дм³), которые дезинфицируют воду, с чем и связаны её лечебные свойства. Природного серебра в Крыму нет, а наличие его ионов в воде Козмодамиановского источника связано, скорее всего, с деятельностью монахов. Дело в том, что монахи давно заметили очищающую силу серебра и для этого клали в

источник какое-либо серебряное изделие (монетки, ложку, слиток и т.д.) или каптировали выход источника прямо в серебряную трубку. После этого вода ионизировалась серебром и могла способствовать излечению некоторых болезней. Наверняка в Савлух-Су тоже лежит какое-то изделие из этого очищающего металла.

Другой монастырь, возникший на основе целительного источника, расположен в красивейшем горном урочище Кизилташ, недалеко от Судака. В урочище находятся две пещеры, в одной из которых, под названием «Целебный источник» и бьет чудотворный родник. История открытия его целебных свойств такова: около 1825 года один татарин-пастух из села Отузы (ныне пгт. Щebetовка), пасший здесь стадо, нашел в пещере деревянную икону Божьей матери, плавающую по поверхности воды. Татарин передал икону встреченному им по дороге греческому купцу, который и отвез её судакскому протоиерею Иосифу. Очень быстро весть о чудесной находке разлетелась по всей округе, и к источнику начали стекаться богомольцы из окрестных поселений. Вскоре, ежегодно, в день Успения Божьей матери (15 августа) они стали приглашать на служение в пещере священников из Судака. В этот день у святого источника собиралось «до 700 душ народа» болгарского, греческого, татарского и русского происхождения. А после открытия здесь в 1857 году кинонии во имя Священномученика архиепископа Стефана Сурожского, братия монастыря проводила в день Успения ежегодные молебны с водоосвящением [14].

Народная молва почти ежегодно приводила свидетельства об исцелении водой из чудодейственного источника, которая наиболее часто вылечивала болезни глаз, глухоту, боль в конечностях и нервные недуги. Кроме того, очень полезной «в лечении от ломот» считалась грязь со дна болотца, находящегося чуть ниже источника. Этой грязью намазывали больные члены и давали ей высохнуть, после чего боль проходила [14].

В наше время установлено, что вода Кизилташского источника действительно обладает лечебными свойствами: она имеет гидрокарбонатный натриевый состав с минерализацией 0.86 мг/л и содержанием сероводорода 4-5 мг/л. К сожалению, малый дебит (0,07 л/сек.) источника препятствует его практическому использованию [5]. Кроме того, сама территория, на которой расположен Кизилташский источник, в настоящее время недоступна для посетителей, так как находится в ведомстве Министерства Обороны Украины.

Не меньшее количество чудесных исцелений связано и с водой другого источника – Св. Параскевы, при котором в 1864 году был открыт Троице-Параскевский Топловский общежитейный женский монастырь. Источник Св. Параскевы, называвшийся у татар Чокрак-Сальксу, что значит «источник живой воды», расположен в уединенной гористой местности у подножия горы Каратау близ с. Тополевка (б. Топлы) [7]. Он издревле почитался местным христианско-мусульманским населением как целебный. И ежегодно 26 июля, в день Св. Параскевы, направлялись сюда из далеких и близких мест повозки с больными греками, русскими, татарами, болгарами и армянами, которые погружаясь в купальню источника, верили, что избавляются здесь от всех своих болезней. И болезни действительно проходили. Особенно часто вода источника Св. Параскевы исцеляла глазные болезни. Весь день 26 июля у источника шла божественная литургия, после которой при монастыре проходили национальные игры и забавы болгар, проживающих в окрестных деревнях.

«В обители и в её окрестностях постоянно рассказывают о чудесных исцелениях при Топловском источнике, не только в прежние времена, но и даже теперь, в наш век сомненья и безверья к чудесным проявлениям силы и милости Божьей», – пишется в одном из изданий конца XIX века. «Соседние греки, бедные остатки прежнего христианского населения Таврики, православные болгары, татары, - эти пылкие сыны южной природы, - передают друг другу трогательные предания о чудодейственных источниках своей гористой родины: «слепые прозревают, хромые ходят, одержимые страшными недугами получают исцеление», - говорят они и в благодатных сердцах этих простых людей сложилось множество поэтических легенд обо всех монастырях Крыма» [15].

Легенда о Топловской обители имела большое влияние на окрестных жителей, особенно на татар. По легенде считалось, что Топловский монастырь «никогда не оскудеет», так как его постоянно оберегает сама святая Параскева. По ночам она ходит вокруг монастыря в монашеском одеянии с посохом и пальмовой ветвью в руках, и благословляет каждого встретившегося ей путника, а если же он болен, то тут же исцеляет от недуга своим чудесным взглядом. Если же найдется человек, захотевший принести вред монастырю, то святая наказывает его «незримой силой». Так это случилось с несколькими ворами, пытавшимися ночью украсть бревна и доски, приготовленные для постройки церкви. Грабители были остановлены невидимой силой на месте преступления, где,

несмотря на тщетные усилия, оставались со своей ношей до утра, пока не пришли строители-монахи [15].

Источник св. Параскевы был благоустроен в 1882 году. Резервуар выложен гранитом, рядом сделана полукруглая стена в виде иконостаса. В следующем году рядом с источником была устроена купель с двумя отделениями и резервуаром для воды. В полукилometре от обители, на склонах Каратау, располагаются еще два святых источника. Один из них носит имя св. Георгия Победоносца. Рядом с ним устроена купель под открытым небом и установлен крест с иконой святого Георгия. Чуть дальше располагается источник Трех Святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста.

Помимо широко известных Козмодамиановского, Кизилташского и Топловского источников, при которых возникли крупные христианские монастыри, в Горном Крыму существует еще несколько мест, где выходят на дневной свет родники, почитаемые местным православным населением. Эти источники еще не превратились в объект внимания многочисленных паломников-туристов, здесь все еще чувствуется прелесть первозданной, нетронутой природы и не нарушается плавное течение мыслей, охватывающее вас после глотка студеной, святой воды.

Один из таких источников – источник св. Феодора Студита – находится в нескольких километрах от села Терновка (б. Шулю). До 20-х годов прошлого века при источнике располагался Ново-Спасский скит Свято-Климентовского мужского монастыря, более 70 лет здесь не велась служба и только в 1996 году в здешние леса прибыло несколько монахов, чтобы восстановить храм. По преданию источник забил из земли благодаря молитвам средневековых монахов, учеников святого Феодора Студита, сосланных в Таврику в 8 веке н.э. из Византии. Как и с другими святыми крымскими родниками, с источником Феодора Студита так же связан ряд преданий о целительной силе его воды, которые передавались устно из поколения в поколение местными жителями. Вода святого источника может не только исцелять, но и наказывать. Так, жители окрестных деревень вспоминают происшедший лет тридцать назад случай, когда один из подвыпивших граждан, которые любили устраивать в окрестностях родника пикники, поспорил с приятелем, что сможет просидеть в ледяной воде источника какое-то время. Но как только осквернитель коснулся святой воды, у него тут же на всю жизнь отнялись ноги.

Вблизи села Оборонное (б. Камары) есть источник святого Иоанна Постного, который забил здесь, по преданию, несколько сотен лет назад в День Усекновения главы Иоанна Предтечи – 11 сентября. В 1848 году над источником была построена церковь св. Иоанна Предтечи с прекрасной фреской. Интересно, что в церковном бассейне, куда поступала святая вода, жила большая старая лягушка, всплывавшая на поверхность при входе в храм каждого посетителя. К лягушке местное население относилось как к хранильнице святого источника. После революции церковь использовалась как загон для скота, постепенно разрушалась (хотя местные тайком, 2 раза в неделю проводили там службу), а во время войны в храм попал снаряд. Ближе к нашему времени каптаж источника был восстановлен, недавно вырыта купель и святая вода опять лечит людей, о чем можно услышать множество свидетельств из уст местных богомолиц. В 2001 году, 11 сентября здесь былолюдно: благочинный г. Севастополя отец Владимир провел на источнике богослужение и прочитал проповедь, освятив воду...

После присоединения Крыма к Российской империи первые русские поселенцы шагнули на совершенно новую для них землю. Здесь же они столкнулись с множеством проблем, одной из которых была проблема пресной воды.

Русские отставные солдаты, выходцы из российской глубинки, оказались в принципиально новых для них природных условиях. Поселенцев селили в области Крымского Предгорья и северного склона Главной гряды Крымских гор, где о существовании полноводных рек и подземных водоносных пластов не могло быть и речи. Скудные запасы пресной воды навевали мысли о невозможности здесь нормальной человеческой жизни.

Но постепенно новые жители крымской земли привыкали. Они были вынуждены перенимать в свою культуру и хозяйство некоторые особенности давно сформированных и проверенных веками традиций местного водопользования. Где найти выход подземной воды, как обустроить каптаж-фонтан, как провести к нему воду с минимальными потерями – всему этому нужно было учиться. Помогали русским поселенцам, скорее всего единоверцы-греки, имевшие богатый опыт водопользования.

Там, где возникали русские села, каптажи-фонтаны строились заново, в типично русской строительной форме с участием греческих архитектурных традиций. Так, явно греческое архитектурное влияние имеют фонтаны в русских селах Петрово и Барабаново в окрестностях Зуи.

Их каптажи сооружены в виде каменных православных часовенок - с двускатной крышей, двумя выемками для иконок и выпуклым православным крестом посередине. Похожие фонтаны и сейчас сохранились в Балаклаве, вблизи некогда греческих сел Генеральское, Запрудное, Оборонное.

После установления в Крыму власти рабочих и крестьян все монастыри были ликвидированы, а какое-либо поклонение чудодейственным источникам запрещено. Вообще, за годы советской власти крымская земля потеряла не одну сотню родников: каптажи с христианской и мусульманской символикой разрушались, вековые традиции религиозного почитания горных источников яростно уничтожались, названия родников и связанные с ними предания стирались из людской памяти... И ещё лет десять назад казалось, что погрязли мы окончательно в пучине всеобщей безнравственности и бескультурия. Но, к счастью, кажется, осознал наш народ, что без своей культуры, без своей истории не сможем мы прожить ни одного дня – сможем лишь просуществовать. И стали возрождаться народные традиции, стали строиться церкви и мечети, стали выходить книги, дающие правдивые знания о нашем прошлом. Пережили свое второе рождение и крымские монастыри: в их стенах вновь звучат хвалебные молитвы Господу, а к целительной воде святых родников ежедневно приходят на поклон люди.

И дай Бог, чтобы уважительное отношение к малой воде не угасло в сердцах крымчан, дай Бог, чтобы вдоль дорог снова возводились радующие глаз путника каптажи-фонтаны, дай Бог, чтобы святые горные источники продолжали исцелять тела и души, верующих в их силу людей. Дай Бог.

Литература

1. Альбов С. В. Древнейший каптаж минеральной углекислой воды в СССР. Известия Крымского отдела географического общества СССР, отдельный выпуск. - Симферополь, 1958.
2. Бахчисарайские арабские и турецкие надписи. – Одесса, 1849.
3. Гарагуля В. Топонимические этюды // Известия КРКМ. № 13, 1996.
4. Гермоген, епископ. Таврическая епархия. – Псков, 1887.
5. Гидрогеология СССР. Том 8. Крым. – М: Недра, 1970.
6. Караулов Г., Сосногорова М. Путеводитель по Крыму. 1883.
7. Катунин Ю. А. Таврическая епархия. – Симферополь: «Таврия», 1995.
8. Коваленко И. «Прекрасный родник – источник жизни» // Голос Крыма, № 42 (361), 13.10.2000.
9. Коваленко И. «Чиста на вид, прозрачна, холодна...» // Таврические ведомости, № 8, 25.02.2000.
10. Коваленко И. Источники «отдохновения души и улады сердца» // Голос Крыма, № 7 (326), 11.02.2000.
11. Коваленко И. М. «Священные» источники Крыма // Природа, № 3-4. – Симферополь, 2000.
12. Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. – Николаев, 1873.
13. Марков Е. Л. Очерки Крыма. – Симферополь: «Таврия», 1995.
14. Описание киновии св. исповедника Стефана Сурожского или Кизилташ в Крыму – Симферополь, 1886.
15. Описание Топловского женского общежитейного монастыря св. преподобномученицы Параскевы в Крыму. – Москва, 1885.
16. Путешествие в южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году Анатолием Демидовым. – М., 1853.
17. Рухлов Н. В. Обзор речных долин горной части Крыма. – Петроград, 1915.
18. Эвлия Челеби. Книга путешествий. – Симферополь, 1999.

Глава 3 «Священные» горы, скалы и пещеры Крыма.

*Аллах ли там среди пустыни
Застывших волн воздвиг твердыни,
Притоны ангелам своим;
Иль дивы, словом роковым,
Стеной умели так высоко*

*Громады скал нагромоздить,
Чтоб путь на север заградить
Звездам, кочующим с востока?*

М.Ю. Лермонтов.

«Священная» гора... Это понятие существует практически у всех народов, населяющих земной шар. Испокон веков горы, более чем другие объекты природы, наделялись статусом священности. Горы ближе всего на Земле расположены к Богу, к небесам, к чему-то таинственному и недостижимому – благодаря этому они сами становились священными и неприкосновенными. Религиозная значимость гор очень велика, а сам культ святости гор играет огромную роль в контексте мировой культуры. Так, именно в горах родились основные мировые религии, многие народы представляли мир в виде гигантской горы, окруженной морем, считали, что гора – это главная ось, соединяющая землю, небо и ад, практически у всех этносов Земли сохранились предания о вселенской горе Меру. На горе Синай Бог дал Моисею десять своих заповедей, на горе Хира Муххамед услышал от Аллаха первые слова Корана, на Олимпе жили боги древней Греции, на Арарате люди спаслись от всемирного потопа, на горе в Галилее Иисус произнес свою знаменитую Нагорную проповедь. С горами связаны многочисленные явления священных сил, захоронения праведников, они считаются местом, дающим здоровье и поэтическое вдохновение; сама форма горы дала основу архитектурной идее храма. И это перечисление значимости феномена гор для человека можно продолжать ещё очень долго [1].

Почитание «священных» гор являлось одной из основ развития природоохранной культуры человечества и экологических взглядов на мир. На «священную» гору был строго ограничен допуск людей, здесь запрещалась всякая хозяйственная деятельность (рубка леса, добыча полезных ископаемых и т.д.) – в связи с этим ландшафт горы вместе со всеми его составляющими в течение длительного времени оставался первозданным и нетронутым рукой человека: гора становилась настоящим заповедником. В последствии многие горы служили основой для создания современных заповедников и национальных парков: горы Сьерра-Невада в Калифорнии, гора Фудзияма в Японии, вулкан Килауэа на Гавайях, гора Карадаг (г. Святая) в Крыму и др.

Горы, скалы и пещеры, окутанные ореолом святости и чуда, имеются и на Крымском полуострове.

Самой известной из крымских «святых» гор является гора Святая, вершина одного из чудес таврической земли – горного массива Карадаг. Расположенный у самого моря, потухший вулкан Карадаг, без всякого сомнения, может считаться одним из прекраснейших уголков природы не только в Украине, но и во всей Европе. Дикость и разнообразие ландшафтов, суровость и неповторимая зрелищность пейзажей навсегда оставляют священный трепет перед могуществом и красотой горы в сердцах тех, кто когда-либо приходил к ней на поклон.

С давних времен среди крымских татар хорошо известна легенда об азисе Кемаль-бабай (святой Дедушка Кемал), могила которого, якобы обладающая свойством исцелять любые недуги, находилась на вершине горы [11]. Кемаль-бабай был очень мудрый и честный старик, всю свою жизнь искавший правду и не боявшийся эту правду доносить до людей. За свою праведную жизнь побывал он во многих странах, видел Мекку и Стамбул, знал не один язык, мог прочесть наизусть Коран. И в конце своего жизненного пути поселился старик в бедной деревушке Отузы (ныне пгт. Щебетовка), где помогал добрым словом всем страждущим людям. Каждую весну поднимался одряхлевший старик на Карадаг, чтобы умыться родниковой водой, а на растущем у вершины дереве сделать зарубку, означавшую, что еще один год прожил на земле Кемаль.

Однажды Кемаль-бабай занемог и стал умирать. Жители деревни спросили у умирающего: где он хочет быть похоронен. На что старик ответил: «Там, где упадет моя палка». И собрав последние силы, перешагнув он порог, бросил кверху свою палку и умер. А палка полетела на вершину Карадага, где и нашли её люди лежащей у ручья под стволом дерева на котором было выбито 99 зарубок. Там и схоронили Кемаль-бабая. А через некоторое время люди начали замечать зеленоватый свет на могиле праведника, и Кемаль-бабай был объявлен святым – азисом, а гору с тех пор стали называть Азис (Святая).

Вскоре со всех концов Крыма начали съезжаться на поклон к могиле святого больные люди с просьбами об излечении. Приезжали сюда не только татары, но и греки, армяне и болгары. У подножия горы повозки с больными останавливались на привал, а с наступлением прохлады родственники несли их к могиле, где при заходе Солнца совершали моление. После этого у больных

отрезали пряди волос и полоски одежды, чтобы привязать их к окружающим деревьям и оставить с ними все болезни. С наступлением темноты больных оставляли одних ночевать у могилы Кемалю, который должен был прийти к ним во сне и объяснить причину болезни и средство от нее. После сна у могилы проводилась молитва и завтрак, остатки которого вместе с мелкими монетками, как жертву оставляли тут же. Сама могила представляла собой большую каменную плиту, обложенную по бокам камнями и обнесенную металлической оградкой. После Октябрьской революции могила была разрушена и осквернена, так что сейчас даже затруднительно найти само её место [18].

Прекрасное литературное свидетельство о карадагском азисе оставил нам в своих «Крымских очерках» С. Елпатьевский:

«А на самой высокой зеленой горе Карадагского хребта лежит святой человек. Давно лежит он там, и спорят люди, чей это святой: русские говорят, что это их, русский, а татары – что он их апостол и спокон веков молится за них, за татар. И в разгар лета тянутся мажары из-под Керчи, из-под Старого Крыма, из-под Карасубазара и из огромных приморских, татарских сел с правдоверными людьми на могилу ихнего святого, который не устает молиться за них. Тогда табор образуется у подножия зеленой горы. Люди оставляют мажары, поднимаются в горы вместе с муллой. Тогда из Коктебеля ночью видны огоньки на вершине гор, – то костры горят кругом святой могилы, и сидят люди всю ночь и молятся, и думают о святости» [4].

Помимо сказания об азисе Кемаль-бабай, с Карадагом связано ещё несколько преданий, которые так же объясняют его религиозное почитание среди местных жителей. Так, греки-рыбаки ещё в начале XX века были уверены, что в давние времена по склонам горы ютилось множество христианских церквей и монастырей. А один из них, построенный святым Стефаном епископом Сурожским и будучи давно разрушенным, якобы существует где-то в невидимом мире, так как ежегодно в пасхальную ночь со склонов Святой горы слышен звон его колоколов. В настоящее время на вершине горы водружен православный крест.

После присоединения Крыма к Российской империи, и особенно в последнюю сотню лет, Карадаг вновь стал объектом поклонения, но на этот раз к его сказочным вершинам шли не больные простолюдины, а цвет российской интеллигенции: ученые, поэты и художники. Первыми для широкой российской общественности Карадаг открыли известные ученые П. С. Паллас и К. И. Габлиць. После них изучением массива занимались такие знаменитости как Т. И. Вяземский, А. Ф. Слудский, А. Д. Архангельский, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, А. В. Палладин, А. Е. Ферсман, В. П. Зенкович, В. И. Лебединский и др. Во время своего крымского путешествия Карадагом любовался А. С. Пушкин (и даже зарисовал на полях черновика романа «Евгений Онегин» одну из его скал – «Золотые ворота»), им восхищались А. С. Грибоедов и К. Г. Паустовский, А. М. Горький и А. С. Грин. Его запечатлели на своих полотнах И. К. Айвазовский, А. Фесслер, Г. Калмыков и многие десятки других художников. Но главным певцом красот Карадага, конечно же, являлся замечательный поэт и художник М. А. Волошин:

Преградой волнам и ветрам
Стена размытого вулкана,
Как воздымающийся храм,
Встает из сизого тумана.

Религиозное и духовно-эстетическое почитание Карадага на протяжении не одной сотни лет сыграло огромную (и, пожалуй, основную) роль в том, что этот уникальный объект природы в почти первозданном виде сохранился до наших дней. В течение многих веков Карадаг являлся типичным празаповедником – природной территорией, охраняемой самими местными жителями. В советский период нашей истории местные природоохранные традиции, имевшие под собой религиозную основу, были уничтожены, и Карадаг оказался беззащитным перед толпой новоявленных варваров. Его уникальные месторождения полудрагоценных камней стали разворовываться в поистине огромных масштабах (агаты, сердолики, яшмы, трассы и халцедоны вывозились отсюда тоннами), были уничтожены многие представители редкой флоры и фауны, навсегда потеряны для науки объекты археологии. Но государство все же, хоть и поздно, поняло свою ошибку по отношению к Карадагу: в 1947 году он был объявлен памятником природы, а в 1979 году массиву присвоен статус заповедника. В настоящее время решается вопрос об организации на Карадаге первого в Крыму национального парка.

Недалеко от Карадага находится гора Папас-Тепе, где местные татары так же показывали могилу святого – азиса Курд-тадэ. Легенда гласит, что ни до, ни после него не было в округе более праведного человека: Курд-тадэ, никогда не говорил неправду, всем помогал в горе и нужде, сходил в Мекку и вырыл по дороге два фонтана для блага путников, за что и получил звание хаджи. Но на

старости лет хаджи изменил своей старой жене с молодой красивой девушкой, после чего замучила старика совесть. Взошел тогда рано утром Курд-тадэ на гору и покаялся Аллаху: «Пусть молодое вернется к молодому, и пусть у молодости будет все, что она боится потерять». Простил Аллах старика и тут же принял к себе его душу. Похоронили Курд-тадэ тут же на вершине Папас-Тепе, куда со всей округи, на поклон к его могиле, ходили татарские женщины, если хотели вернуть утраченную любовь [11].

У крымских караимов так же существовало религиозное почитание некоторых гор. Это, прежде всего, главная святыня караев – Чуфут-Кале (Джуфт-Кале), а так же окружающие ее горы: «Мейдан-Даг, уподобляемый караимами Мариинской горе и Бешик-Даг, подобный Масличной горе в окрестностях Иерусалима», как пишет В. Х. Кондараки в своем труде «Универсальное описание Крыма».

О горе Бешик-тау среди караимов существует легенда, объясняющая почитание этого места. Легенда говорит об отважном правителе Чуфут-Кале князе Муса, который стал первым караимским паломником в святую землю Иерусалима, за что был удостоен звания Хаджи Муса.

Когда князь собирался в обратный путь на крымскую землю, «иерусалимский газзан перед расставанием посетил благородного паломника. С удивлением он увидел в вещах почтенного Хаджи Мусы колыбель, выточенную из ливанского кедра, и невольно подумал: «Охота князю везти в такую даль детскую колыбель!» Хаджи Муса догадался о мыслях своего гостя и смиренно произнес: “Везу подарок внуку, дабы он стал славен, как ливанский кедр!»

Тронутый до глубины души благочестивыми словами, газзан вдохновенно поднял глаза к небу и пожелал, чтобы в этой колыбели вырос Спаситель Мира, пришествие которого принесет на землю счастье и благодать. Но не суждено было старому князю принести внуку свой Дар. В 1002 году Муса умер в дороге».

Далее легенда гласит, что колыбель передали сыну князя, а тот – своему сыну, внуку Хаджи Мусы, родившемуся во время паломничества деда.

«С тех пор колыбель стала переходить от поколения к поколению как родовое благословение первого паломника-караима. Потомки князя Хаджи Мусы были всегда почитаемы жителями Кырк-Ера.

Прославился и князь Ильягу, потомок досточтимого Хаджи Мусы. Во главе защитников Кырк-Ера он храбро сражался с генуэзцами, окружившими крепость, и погиб в день субботний смертью героя, отгоняя врагов от стен родного города. Было это в 1261 году.

Имя Ильягу, князя Кырк-Ера, караимы сохранили в своей памяти. Оно окружено легендарным ореолом. Народ и поныне верит, что необычайную храбрость, мудрость и силу Ильягу получил от заветной колыбели Хаджи-Мусы, в которой вырос. А колыбель в ночь гибели князя была вознесена божественной силой на соседнюю гору и исчезла в ее недрах.

С тех пор двугорбая гора, хранительница княжеской колыбели, стала называться Бешик-Тау (Гора Колыбель). «Как Масличная гора в окрестностях Иерусалима раскроется и выдаст Ковчег Завета, укрытый в ней пророком Иеремией, так и Бешик-Тау разверзнет в свое время недра, а колыбель Хаджи Мусы высоко вознесется и опустится в дом, где впервые раздастся голос новорожденного Спасителя Мира» — так гласит народная караимская легенда [15].

Для крымских татар «святые» горы чаще всего были связаны с захоронением праведного человека – азиса. Для греческого же населения Крыма святость горы или скалы связывалась с явлением на ней иконы, видением христианского святого или существованием при ней монастыря.

В средневековье в Крымских горах стояли десятки небольших христианских монастырей, располагавшиеся, как правило, на вершинах гор и отдельных скал. Те вершины, на которых располагались храмы, становились собственностью монастыря, т.е. неприкосновенной, «священной» территорией, и почитались у местных жителей во взаимосвязанном комплексе – гора-монастырь. Имя святого, которому был посвящен монастырь, часто перекочевывало на окружающую местность и становилось названием всей горы. Таковы, сохранившиеся до нашего времени, оронимы: гора Ай-Петри (на её вершине существовал храм св. Петра), гора Ай-Тодор у с. Малый Маяк (б. Биюк-Ламбат) и одноименные мысы в Гаспре и у с. Малое Садовое (б. Кучук-Сюрень) – здесь были храмы, посвященные св. Федору, мыс св. Иоанна, мыс Ай-Фока, скала св. Ильи, гора Ай-Никола (св. Николай), гора Ай-Серес (св. Сергей), гора Ай-Савва (св. Савва), гора Ай-Даниль (св. Даниил) и многие другие. После нашествия тюркских народов в XIII – XV веках большинство христианских монастырей в Таврике было уничтожено. Но людская память сохранила названия вершин, на которых были возведены средневековые храмы, и теперь эти топонимы зачастую являются единственным признаком существования на них в прошлом культовых сооружений. Иногда имя монастыря все же

стиралось из памяти поколений, но и в этом случае горы получали какое-нибудь название с религиозным смыслом, что указывало на святость места. Таковы, например, мыс Айя (святой) к востоку от Севастополя, скала Ай-язми-Кая (священная скала), холм Азис (святой) у Алушты, гора Сотира (Спаситель) в массиве Бойка, топонимы Эклизи-Бурун, Кильсе-Бурун и Кильсе-Кая (церковный мыс, скала), Ставри-кая и Хачла-Каясы (Крестовая скала) над Ореандой и др.

Существовали в Крыму и крупные монастырские комплексы, занимавшие значительные территории и напоминавшие, по словам О. И. Домбровского «не то раздувшееся западносредневековое аббатство, не то в миниатюре церковное княжество» [3].

Наиболее мощные из них располагались на горе Аюдаг (Медведь гора) и горе Сотира в массиве Бойка. По мнению О. И. Домбровского, топоним Аюдаг является переосмысленным татарским населением более ранним названием горы – Айядаг (святая гора). В VIII-XIV вв. Айядаг был крупнейшим церковно-феодальным владением Крымского Южного бережья, с несколькими храмами, превосходной системой обороны, дворцом правителя. Все это погибло в результате нападения турок-османов в 1475 году, но среди местного населения ещё долго жило почитание горы как святого места.

С 1947 года Аюдаг объявлен памятником природы, в 1960 – повторно, а с 1974 года массив имеет статус природного заказника государственного значения [5].

На массиве Бойка до 1475 года так же находился важнейший в Юго-Западном Крыму религиозно-административный центр, включавший шесть поселений, мощную транспортную инфраструктуру, кузнечно-литейное производство, которые объединялись вокруг стоящего на горе Сотира («Спаситель») храма Спаса.

Необходимо упомянуть еще одну гору, которая в течение всей крымской истории пользовалась почитанием у жителей Таврики – Чатырдаг. Чатырдаг – гора особенная, необычная. Его трапециевидный силуэт виден за десятки километров вокруг, а благодаря своей обособленности от остальных гор, что усиливает эффект его величия, Чатырдаг, вплоть до конца XIX века, считался высшей горой Крыма. Будто могучий и надменный властелин, молчаливо взирающий на низменную суету своих поданных, величаво царит Чатырдаг над окружающим его миром. Он гипнотизирует, манит, зовет и если вы хоть раз попали в его владения, то будете стремиться сюда снова и снова. Есть в нем какая-то мощная сила, притягивающая человека, ведь не зря ежегодно бывают здесь десятки тысяч туристов, не зря древние народы устраивали на Чатырдаге свои святилища и жертвенники, не зря в прошлом веке Е. Л. Марков сказал: «Подъезжая к Чатырдагу, начинаешь понимать религиозное значение Олимпа» [9].

Несмотря на свою известность и популярность среди крымчан, Чатырдаг практически не был затронут серьезными историко-археологическими исследованиями, которые могли бы прояснить картину его значения в духовной жизни предков современного крымчанина. Гора как будто специально не хочет раскрывать свои тайны...

Косвенным доказательством религиозного почитания горы у крымских христиан служит название её высшей точки – Эклизи-Бурун (Церковный мыс). П. И. Сумароков, побывавший на Эклизи-Буруне в начале XIX века, засвидетельствовал: «Поверхность усеяна камнями, буграми, между коих видны развалины греческой церкви, зовомой Панагия, то есть пресвятой, куда греки единожды в году, в Троицын день, возносились многолюдным ходом для молебствования» [17]. В настоящее время никаких следов церкви там нет.

В 1851 году святой архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий, выехав на лошади ранним утром из Козмодамиановского монастыря, поднялся в полночь на вершину Чатырдага, где в одиночестве совершил молитву, после чего направился в Симферополь, где должен был служить утреннюю литургию. Туда он прибыл около 8 часов утра и, несмотря на то, что целые сутки не спал, уже в 10 часов начал благовест. Он очень любил эту гору и мечтал возвести на ней храм, который «отрадною, путеводною звездою сиял бы всем путешествующим и плавающим». Святой Иннокентий считал Чатырдаг «коронаю русского Афона», который он мечтал возвести на Крымских горах. На Чатырдаге он думал поселиться «на закате дней своих» [13, 14].

И чтоб вид любимой горы всегда был перед его взором, Иннокентий в Одессе на своей даче насыпал холм высотой «до двух сажень» (более 4 метров), похожий на Чатырдаг, на вершину которого вела витая дорожка. Иннокентий часто подолгу сидел на этом холме, «погруженный в глубокие думы» [13, 14].

После смерти Св. Иннокентия вынашивались идеи возвести на вершине так любимого им Чатырдага храм в его имя. К сожалению, этим благим помыслам не суждено было сбыться.

В наши дни Чатырдаг вновь поддерживает свою славу «святой» горы. Регулярно на вершине горы можно встретить богомольцев (чаще всего представителей различных религиозных сект), поднимающихся сюда, чтобы с заоблачных вершин вознести молитву Богу. На второй вершине Чатырдага – Ангар-Бурун кто-то даже установил символический деревянный крест из двух перекрещенных жердей. А в 1999 году в Симферополе появилась некая контактерская группа «Терра», по словам участников которой, они вошли в контакт с «представителями Галактического Совета» и «Иерархией Света». Причем, основные контакты совершались именно на Чатырдаге. В результате общения с представителями других миров якобы была получена информация о существовании в пещерах Чатырдага входа в другое измерение, о местонахождении там ангаров инопланетных космических кораблей, и, что наиболее интересно (и неправдоподобно) о наличии в недрах горы огромного озера пресной воды, соединяющегося подземным ходом с морем. На берегу этого озера будто бы стоит подземный храм и статуя Нептуна «вроде алтаря-жертвенника» и т.д. Конечно, к этим сообщениям нужно относиться с огромной долей скептицизма и сомнения, но, как бы там ни было, за ними кроется важный вывод: в Крыму Чатырдаг до сих пор считается «святой» горой.

Некоторые из монастырей Таврической епархии, образовавшейся в середине XIX века, так же были связаны с культом «святых» гор. Здесь необходимо отметить два монастыря – Балаклавский Георгиевский и Катерлезский.

Балаклавский Георгиевский монастырь расположен недалеко от Севастополя, у одного из красивейших мест Крыма – мыса Фиолент. Напротив мыса, в ста двадцати метрах от берега, выглядывает из воды небольшая скала, носящая имя святого Георгия (её называют также скала Святого явления или Святой камень). Георгиевская скала – одна из самых почитаемых природных святынь крымской земли и именно с ней связана легенда о происхождении Георгиевского монастыря.

Хорошо известное среди крымчан предание гласит, что в 891 году у берегов Фиолента терпело бедствие небольшое торговое греческое судно [11]. Страшный шторм поломал мачты и руль, сорвал паруса, гигантские волны захлестывали палубу, а буря неумолимо несла суденышко на скалистые берега мыса. Видя неминуемую гибель, моряки упали на колени и взмолились Святому Великомученику Георгию: «О, Святой Георгий, наш покровитель, помоги нам спаси нас от неминуемой гибели». И тут молящиеся заметили, что на небольшой скале у берега «весь в сиянии» стоит сам Святой Георгий и протянув к небу руки, обращается к самому Богу. Господь услышал его и сделал так, что буря тот час стихла. Избавившись от гибели, греки с благоговеньем взобрались на скалу и увидели там икону Святого Георгия. Они взяли её с собой, а в благодарность за чудесное спасение основали в прибрежных скалах монастырь, куда и перенесли икону. Некоторые из спасшихся греков остались жить при монастыре и образовали его братию, проводя свои дни в труде и каждодневных молитвах своему спасителю.

Через тысячу лет после основания обители, в 1891 году, на скале, где явился святой Георгий и была обретена его икона, был установлен огромный позолоченный крест с надписью о времени чудесного явления, а для восхождения на скалу были высечены ступеньки. С 1926 по 1930 год монастырь постепенно ликвидировался, пока не был полностью закрыт. После распада СССР Георгиевский монастырь пережил свое второе рождение и сейчас вновь служит благому делу исцеления человеческих душ.

Катерлезская киновия, располагавшаяся в нескольких километрах от Керчи, находилась на горе, которая с давних пор называлась у местных жителей горой Святого Георгия. Легенда, рассказывающая о причинах возникновения монастыря, говорит о некоем греческом пастухе, который ежедневно утром и вечером всходил помолиться на гору Святого Георгия, называвшейся так по имени бывшего там некогда греческого монастыря Святого Великомученика Георгия, разрушенного во время русско-турецкой войны. Однажды, утром 23 апреля 1788 года, пастух как всегда стал всходить на вершину горы для совершения молебствования, и вдруг его взору предстал молодой, одетый в воинскую одежду, всадник на белом коне. «Смутился чабан при этом видении, задрожал и в ужасном страхе оставался неподвижен на месте, пока видение, на которое он с трудом мог смотреть, не скрылось». Испуганный грек, боясь, что его примут за сумасшедшего, никому не сказал о видении, но через год, в тот же самый день, он вновь, пришедши на молитву, увидел всадника на белом коне. На этот раз «благочестивый чабан» рассказал о виденном некоторым набожным старцам, которые посоветовали ему дать знать, если он ещё раз увидит всадника. На третий год грек, на этот раз вместе с тремя старцами, вновь был свидетелем явления, но теперь уже красивый юноша был не на коне, а стоял на большом камне. Когда изумленные люди подошли к нему, юноша исчез, но на том камне, где он только что стоял, были запечатлены следы его стоп и копыт коня. А чуть выше камня лежала

совершенно новая, блестящая икона святого Великомученика Георгия. Чабан и старцы забрали икону с собой в Керчь и передали её в церковь святого Иоанна Предтечи, рассказав обо всем виденном священнику. Но икона не осталась в церкви: уже на следующий день она чудом перенеслась к месту её обретения, вторично взятая в церковь, она снова появилась на горе. Тогда священник, собрав народ и отслужив молебен с коленопреклонением, сообщил о своем решении воздвигнуть на месте явления иконы храм, а до этого ежегодно 23 апреля, в течение 55 лет, приносил икону с крестным ходом из Керчи и совершал здесь молебен [7, 12].

Храм во имя святого Георгия был воздвигнут лишь в 1856 году, куда была перенесена икона и камень с отпечатками стоп святого Георгия и его лошади. Камень этот, имевший форму прямого четырехугольника, на поверхности которого в специальном каменном корытце всегда была налита святая вода для питья и умывания богомольцев, существовал вплоть до закрытия монастыря в 1922 году.

После присоединения Крыма к Российской империи и повышения здесь доли христианского населения, на вершинах многих крымских гор водружались символы православия – кресты. Больше всего таких крестов располагалось на вершинах южнобережных массивов, у которых находились многочисленные дачи российской аристократии. Эти, хорошо просматриваемые издали, вплоть от берега моря, кресты не только напоминали о том, что Крым отныне православная русская земля, но так же постоянно поддерживали веру и надежды русского населения приморской полосы полуострова. Кресты стояли на вершинах Ай-Петри, Крестовой горы в Ореанде, Крестовой горы у Севастополя, утеса Ставри-Кая («Крестовая скала») у водопада Учан-су, на Чатырдаге и в других местах горного Крыма. В советский период они были везде демонтированы, а их место на некоторых вершинах заняли символы другой эпохи – огромные бюсты В. И. Ленина. В наше время традиция крестовоздвижения на вершинах крымских гор возвращается вновь. К сожалению, в большинстве своем, эти кресты представляют собой простые перекладки из двух деревянных жердей и водружены стараниями безызвестных энтузиастов, а не официальной церковью.

Помимо культа «святых» гор, основанного непосредственно на религиозном поклонении, в Крыму, особенно среди татарского населения, существовало почитание отдельных небольших скал и камней, которые никаким образом не были связаны с религией. Это камни и скалы, выделявшиеся среди остальных своими причудливыми очертаниями и фантастическим видом, который придали им процессы природного выветривания. А людская фантазия облекла эти скалы ореолом таинственности и связала с ними многочисленные легенды. Таковы легенды о превращенных в камень людях, зверях и предметах: «Скалы-близнецы Адалары», «Камни мать и дочь в долине Качи», «Кузнец с горы Демерджи», «Скалы Дива, Монах и Кошка в Симеизе», «Легенда о медведь-горе», «Каменные парусники», «Окаменелый корабль» и множество других легенд и преданий. Эти легендарные скалы, хоть и не были объектом религиозного поклонения, но так же, как и «святые» горы не только почитались, но и становились областью природоохраны, что спасало их от антропогенного разрушения. В настоящее время многие из таких скал-легенд, являются памятниками природы и охраняются законом.

Крымские горы являются областью развития классических карстовых процессов, с чем связано наличие в их недрах сотен пещер и гротов. Величественные подземные залы с огромными, теряющимися во мраке сводами, гигантскими колоннами-сталагмитами, украшенные сталактитовыми драпировками и ванночками с ледяной водой, в которых отражаются блестящие кристаллы кальцита, – все это для предка современного крымчанина являлось естественным природным храмом, где совершались магические ритуалы, жертвоприношения и молитвы богам. Пещеры становились неприкосновенной территорией, куда разрешался вход лишь жрецам, и то исключительно в определенные дни, дабы не потревожить обитавших там духов и богов. Примитивные природоохранные традиции, связанные с почитанием пещер, переносились и на окружающее полость урочище, препятствуя распространению там хозяйственной деятельности.

Наибольшего пика своего развития культ пещер достиг в эпоху раннего железа (VII - IV века до н.э.), когда на территории горного Крыма проживали племена так называемой кизил-кобинской культуры, получившие свое имя по названию пещеры Кизил-Коба (Красная пещера), расположенной на западном склоне Долгоруковской яйлы. Археологические исследования, проводившиеся в пещере на протяжении многих лет, приводят к мнению, что Кизил-Коба в древности представляла собой сложный культовый комплекс. Здесь совершались обряды, связанные с земледельческим культом плодородия и обожествления воды. Суть культа заключалась в том, что в определенные дни и месяцы, особенно в неурожайные годы, в пещере горел священный огонь, вокруг которого совершались ритуальные обряды, а в дальних, труднодоступных залах Красной пещеры

складывались жертвенные дары божествам и духам [20]. В настоящее время урочище Кизил-Коба объявлено заповедным (памятник природы с 1947 г), а сама пещера охраняется и используется как рекреационный объект.

В нескольких километрах к югу от Красной пещеры расположена ещё одна пещера – Ени-Сала II, связанная, в отличие от предыдущей, не с земледельческим, а с скотоводческим культом и относящаяся по времени так же к эпохе раннего железа. Пещера состоит из двух залов, в верхнем из которых было обнаружено скопление черепов различных животных (овцы, быки, лошади, свиньи и др.), аккуратно положенных лицевой частью к выходу из пещеры. В нижнем же зале, на полутораметровом, заостренном сталагмите, был водружен череп крупного козла, так же повернутый лицевой частью к выходу. Интересная особенность – череп был покрыт естественной кальцитовый коркой, что указывает на его очень древнее происхождение. Кроме того, в раскопах пещеры была найдена многочисленная груболопная керамика, кости животных и человека, а так же две деревянные фигурки, одна из которых примитивно изображала человека, а другая – животное. Ени-Сала располагается рядом с древней скотопрогонной тропой, что дает предположение о её назначении как о месте поклонения скотоводческому божеству. Ему в дар приносили сосуды с мясом, молоком, жиром и кровью животных. Особое значение играли головы животных, так как у многих народов мира голова считается местом пребывания души животного, поэтому её никогда не ели, а приносили в жертву божеству [21]. Ени-Сала II, после находок, говорящих о её важном религиозном значении для древнего крымчанина, была объявлена памятником природы (с 1969 г.).

Со скотоводческим культом так же связаны находки черепов домашних животных, костей и керамики в некоторых других (порой труднодоступных) крымских пещерах – Змеиной (памятник природы), Лисьей, ряде пещер Чатырдага.

Древнее святилище располагалось и в пещере МАН (Малой Академии Наук), расположенной в западном обрыве Демерджи-яйлы. Верхний зал пещеры заканчивается небольшой площадкой из крупных камней, возвышающейся на три метра от пола. С восточной стороны площадка примыкает к крупному кальцитовому натеку, на котором примитивно вырезано человеческое лицо, а над ним крест. В данном случае крест – это не знак христианства, а ранний магический символ огня. Под изображением находится колодец глубиной 32 метра, приводящий в нижний зал, дно которого усеяно костями домашних животных. А в глубине колодца найдены скелеты трех крупных медведей. Археологи считают, что здесь в кизил-кобинское время совершались жертвоприношения животных, которых в дар божеству сбрасывали в колодец [19]. Пещера МАН в 1969 году получила статус памятника природы.

В VII-X веках н.э. во многих труднодоступных районах Горного Крыма возникали жилые поселения с сопутствующими им христианскими храмами, часто располагавшимися в естественных карстовых пещерах. Заселение этих, столетиями пустовавших районов, связано с нашествием в Таврику хазар и репрессиями против автохтонного христианского населения Таврики после неудавшейся попытки антихазарского восстания, разгоревшегося в VIII столетии. Храмы в потаенных пещерах сохранялись и во время гонений на христиан в период турецкого владычества. Наиболее известные пещеры, в которых существовали христианские храмы – пещера Данильча над с. Соколиное (б. Коккоз), пещера Иограф над Ялтой и комплекс пещер на горе Басман, на северных отрогах Никитской яйлы.

Все эти пещеры объявлены памятниками природы. Пещеры Данильча и Иограф получили этот статус в 1947 году, а Басман – в 1972 г. В настоящее время первые две пещеры входят в состав Ялтинского горно-лесного заповедника, а Басманские пещеры – в состав Крымского природного заповедника.

Наиболее интересными и изученными являются Басманские пещеры, с VIII по X столетие использовавшиеся для жилья, а после X по начало XV века – приобретшие значение местных святынь. Так, в одной из пещер Басмана в X-XV вв. существовал одноабсидный храм-часовня, гармонично вписанный в пещерный ландшафт – туфовый свод и входные известняковые арки храма поддерживались естественной сталагматовой колонной и выступами пещерной стены. Вокруг храма располагались, вырубленные в пещерной скале, могилы-усыпальницы местной знати. По археологическим находкам разрушение храма можно датировать концом XIV – началом XV столетия, что было связано с разрушительным землетрясением [6].

С пещерами Басмана связана хорошо известная среди крымчан легенда «О колыбели, спрятанной на горе Басман», которая так же объясняет почитание этих пещер среди местного населения. В легенде говорится о борьбе двух могучих княжеств – генуэзского и горского, располагавшегося в Крымских горах. Генуэзцы хотели отобрать у горцев священную реликвию их

народа, изображенную на его знамени – золотую колыбель, в которой были вскормлены все предки горцев и у которой они клялись в верности своей родине. Тяжела и жестока была война. И когда горское княжество оказалось на краю гибели, горский князь решил спасти колыбель от рук захватчиков, спрятав её в одной из пещер горы Басман. Там он обратился к духам и наложил заклятие, которое должно было покарать всех, пришедших за колыбелью ради зла и корысти. Тем же, кто будет искать реликвию для возрождения славного народа горцев, духи должны будут открыть место хранения колыбели.

«Столетие за столетием кипели битвы за горскую землю, - заключает легенда, - а в пещере на горе Басман хранилась чудесная золотая колыбель. Много смельчаков пыталось завладеть ею, но им не удавалось добраться до неё. Они возвращались изуродованные, с помутившимся разумом. Однако наступило время, и раскрыли горы свои богатства. Живущий сегодня в Крыму народ добыл эту колыбель. В его сердце – беззаветная любовь к родине, как у горцев, на знамени которых была когда-то изображена золотая колыбель» [11].

Известны в Горном Крыму и совсем небольшие пещеры-гроты, связанные с древними христианскими храмами и служившие для жилья монахов-отшельников. Эти естественные кельи почитались среди местного населения в течение многих веков после исчезновения самого храма и никогда не практиковались в хозяйственных сферах, как это случилось с большинством удобных для использования горных гротов. Пещеры получали название по имени горы, в недрах которой они находились, а сама гора, как уже говорилось выше, связывалась с названием находившегося на ней храма. Такова пещера Ай-Серес на горе того же имени, пещеры Ай-Савва, Ай-Даниль и Ай-Прокл на одноименных вершинах. Со всеми этими пещерами связаны предания о святых отшельниках-подвижниках, некогда в них проживавших [16]. В правом борту р. Бурульча, в окрестностях поселка Овражки (б. Кайнаут), находится небольшая пещера-грот Кильсе-коба (Церковная пещера), в которой так же, возможно, был небольшой пещерный храм или жилище монаха-затворника.

Среди крымских татар редко встречалось религиозное почитание пещер, игравших важную роль более в хозяйственной, чем в культовой сфере жизни татарина – пещеры и гроты являлись удобными естественными загонами для скота, хранилищами продуктов, использовались как пристройки для жилища. Но все же некоторые естественные пещеры Горного Крыма почитались и крымскими татарами.

Так, в нескольких километрах к северу от Зуи, в имении Каясты (ныне пос. Подгорное в черте с. Литвиненково (б. Кентогай) Белогорского района), в скале Кырк-Азис («сорок святых») есть пещера, в которой еще в первой половине XX века лежал продолговатый камень «наподобие гроба, покрытый зеленым сукном» [2]. По преданию, передававшемуся татарами из поколения в поколение, в этой пещере «неверными» (а в другом варианте - турками) были зверски убиты сорок братьев, во время того, когда они, стоя на коленях, совершали молитву Аллаху. Это, окропленное кровью братьев, место считалось священным, и сюда татары привозили своих больных, оставляя после молитвы кусочки одежды и волос больных, «чтоб вместе с одеждой и волосами осталась здесь их болезнь» [2]. Наибольшее количество татар собиралось здесь в мае. По преданию, лучше всего Кырк-Азис исцелял «от умопомешательства».

Пещера Кырк-Азис пользуется большим почитанием у татарского населения края и в наше время. Пещера представляет собой грот в правом обрывистом борту р. Зуя, максимальная высота которого достигает 3 метра, ширина и длина около 6 метров. На стенах и в многочисленных естественных нишах грота видны обильные остатки от горевших тут свечей, а потолок закопчен дымом от священного костра. В грот, который находится в 15 – 20 метрах над уровнем реки, ведут 40 бетонных ступеней (по числу погибших здесь братьев), а вдоль ступеней и у входа в полость растут сплошь увешанные жертвенными тряпочками кустарники.

По словам местных жителей, в первые годы репатриации, когда у татар еще не было в Крыму мечетей, на поклон к Кырк-Азису устремлялись паломники со всего полуострова. Здесь они молились, привозили больных для исцеления (при этом на привходовой площадке обязательно приносили жертву – зарезали барана или курицу), устраивали праздники. Вдоль дороги Зуя – Литвиненково стояли указатели на Кырк-Азис, и в отдельные дни здесь собирались не десятки, а сотни татар. В последнее время, когда по всему Крыму стали возводиться мечети, поток «правверных» богомольцев к «священной» пещере значительно снизился.

По воспоминаниям одного из старожилов села, после Великой Отечественной войны, когда татары были выселены, местные ребята полезли в пещеру и нашли в одной из её щелей предметы мусульманского культа, среди которых был большой, переплетенный в богато украшенный кожаный

переплет Коран. До этого местное славянское население пещеру старалось не посещать, как не посещают её и сейчас.

На примере этой пещеры ещё раз подтверждается важная особенность «святых» мест крымской земли – притягивать к себе людей различных национальностей и вероисповеданий. Дело в том, что и среди местных христиан еще в конце 19 века пещера считалась «святой». Они так же были уверены, будто здесь были убиты сорок юношей, но не «неверными» за молитву Аллаху, а, наоборот, мусульманами – «за проповедь Евангельскую». Интересно, что это ярко выраженное в предании межрелигиозное противостояние нисколько не мешало общему поклонению пещере и совместному добрососедскому сосуществованию христиан и мусульман [8].

Почитание «священных» гор, скал и пещер, имевшее место на всех этапах истории Крыма, сыграло огромную роль в формировании природоохранных взглядов и традиций у народов, населяющих Крымский полуостров. Благодаря статусу «святости» многие горы сохранили до наших дней свой первозданный ландшафт и относительно слабо антропогенизированную экосистему. Феномен «святых» гор существует в Крыму до сих пор. Правда, в большинстве своем, он принял другую, более прозаическую окраску: в настоящее время подавляющее большинство тех гор, скал, камней и пещер, которые почитались в древности, входят в состав природно-заповедного фонда Автономной Республики Крым и охраняются законом.

Литература

1. Борейко В.Е. Священные горы. – Киев, 1999.
2. Гермоген, епископ. Таврическая епархия. – Псков, 1887.
3. Домбровский О. И. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южного бережья // Феодальная Таврика. – Киев: «Наукова думка», 1974.
4. Елпатьевский С. Я. Крымские очерки. Год 1913-й. – Феодосия: «Коктебель», 1998.
5. Ена В. Г. Заповедные ландшафты Крыма. – Симферополь: «Таврия», 1989.
6. Иванов Б. Н., Дублянский В. Н., Домбровский О. И. Басманские пещеры в Горном Крыму // Крымское государственное заповедно-охотничье хозяйство. – Симферополь: Крымиздат, 1963.
7. Катерлезский Свято-Георгиевский монастырь. – М., 1900.
8. Коваленко И. Пещерные святилища // Таврические ведомости, № 3 (301). 26.01.2001.
9. Коваленко И. Чатырдаг // Крымские известия. № 61, 1.04.2000.
10. Коваленко И. Святые горы Тавриды // Таврические ведомости, № 43 (292). 17.11.2000.
11. Легенды Крыма. – Симферополь: «Бизнес-информ», 1994.
12. Ливанов Ф. В. Георгиевский монастырь в Крыму. – Москва, 1891.
13. О деятельности в Тавриде Иннокентия архиепископа Таврического // ИТУАК, № 31. – Симферополь, 1901.
14. Палимпесов И. У. Мои воспоминания об Иннокентии архиепископе Херсонском и Таврическом. – Санкт-Петербург, 1888.
15. Полканов Ю. А. Легенды и предания караев. - Симферополь, 1995.
16. Струков Д. М. Древние памятники христианства в Тавриде. – М., 1876.
17. Сумароков П. И. Досуги крымского судьи. Ч. 2. 1805.
18. Шапошников А. К. Коктебель. Исторические названия окрестностей. – Симферополь: «Амена», 1997.
19. Щепинский А. А. В глубь пещер по следам первобытного человека // Рюкзак. – Симферополь: «Крым», 1965.
20. Щепинский А. А. Красные пещеры. – Симферополь: «Таврия», 1987.
21. Щепинский А. А. Пещерные святилища времени раннего железа в Крыму // Труды комплексной карстовой экспедиции АН УССР, Киев, 1963.

*Гляжу ль на дуб уединенный
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный
Как пережил он век отцов.*

А.С. Пушкин

Культ «священных» деревьев встречается практически у всех народов мира и восходит своими традициями в далекое прошлое. Все древние цивилизации мира прошли через веру в так называемое «Космическое древо» или «Древо жизни» – символ всего живого. Считалось, что «Космическое древо» связывает в единое целое три главных мира – царство Богов (крона), царство людей (ствол) и подземный мир – царство духов (корни). «Космическое древо» являлось центром Вселенной, осью Мира, связующей дорогой между царством Богов и царством духов.

Символ «Древа жизни» сопутствовал человечеству на протяжении всей его истории, постепенно трансформируясь в более доступный вид – с «Древом жизни» стали отождествляться наиболее старые, величественные деревья, растущие непосредственно рядом с человеком и доступные для поклонения. Сначала люди поклонялись деревьям-великанам, видя в них символ «Космического древа», но постепенно, с появлением новых мировых религий почитание дерева приобрело более широкий диапазон.

В любом уголке Земли, где произрастает древесная растительность, найдется дерево, выделяющееся среди других своих собратьев каким-либо отличительным признаком – как правило, этим признаком является необычайный размер или возраст дерева. У таких деревьев-долгожителей (возраст которых мог достигать нескольких тысяч лет) и деревьев-великанов (поднимающихся на десятки метров в высоту и имеющих огромной толщины ствол) человек понимал всю свою ничтожность перед силами Природы и перед Богом. И вполне естественно, что человечество во все времена обожествляло эти деревья, испытывая перед ними искреннее почтение. Но и не все «почитаемые» деревья становились «святыми».

По В. Е. Борейко [1], дерево могло получить статус «святого» благодаря следующим факторам:

1. Дерево находится у другого «святого» объекта природы – у «святого» источника, реки, горы, скалы, камня. Такие деревья могли произрастать до проявления святой силы родника или камня, но зачастую специально высаживались у него.
2. Дерево связывалось с каким-либо конкретным религиозным или историческим событием. У дерева могло произойти явление Бога или ангела, просветление ученого, подписание важного договора, победоносная битва и т.д.
3. Дерево могло быть «святым» в силу его исцеляющих телесные болезни и духовные недуги свойств и возможностей.
4. Дерево расположено или посажено в святом церемониальном месте, где происходит чтение молитв или другие виды религиозного общения (деревья у храмов и монастырей).
5. «Святым» дерево могло стать благодаря месту захоронения святого праведного человека. Многие праведники завещали похоронить себя у дерева, иногда дерево сажалось на могиле после смерти почитаемого человека и с ним общались, как с умершим.
6. Дерево могло выделяться среди других деревьев своим необычным видом. Это могли быть величественные размеры или очень преклонный возраст дерева, иногда обожествлялись деревья, имеющие необыкновенную форму (сросшиеся или раздвоенные стволы и т.д.) или произрастающие на недоступных местах (на вершине скалы, на одиноком островке и т.д.).

Помимо одиночных «священных» деревьев, часто встречаются целые «священные» рощи, охраняемые по различным религиозным мотивам. Такие рощи могут приравниваться к божествам, обеспечивать убежище духам, защищать освященные места, кладбища. Иногда они обретают святость от священных источников или камней, которые они защищают, от целебных свойств местности. Особым видом «священных» рощ являются леса, окружающие культовые постройки – церкви, храмы, монастыри. В таких лесах запрещалась любая хозяйственная деятельность, они служили местом для молитв и размышлений, являлись оградой между храмом и остальным миром [2].

Как «священные» рощи, так и «священные» одиночные деревья являлись абсолютно неприкосновенными, заповедными объектами. В таких рощах не разрешалось охотиться, собирать грибы, ягоды и хворост, косить траву, пасти домашний скот. У многих народов запрещалось даже попадать под тень «священного» дерева, деревья и рощи охраняла специальная стража, разрешая доступ лишь жрецам и то, в определенные дни. За сорванный лист или срубленный сук человек мог лишиться жизни, а за срубленное дерево проклятье падало на весь род святотатца.

В отличие от «священных» родников, гор и пещер, на крымской земле имеется незначительное количество деревьев и рощ, наделенных статусом святости.

Это связано, прежде всего, с особенностями отношения населения Крыма к древесной растительности. Дело в том, что на протяжении многих веков к крымским лесам существовал исключительно хозяйственный подход. Леса нещадно вырубались, на всевозможные нужды хозяйства (дрова, постройка кораблей, подпорки для виноградников и колья для заборов, изготовление деревянной утвари и т.д.). Приведем такой факт, выступающий ярким примером разрушительной силы крымского народного хозяйства по отношению к горным лесам: в крымской садоводческой культуре незаменимым приспособлением были чаталы – подпорки для веток плодовых деревьев, представляющие собой прямые жерди с рогатинкой на конце. Стандартная длина чатала составляла от 320 до 850 см при толщине 5 см в нижнем отрубе. «Взрослое дерево, обремененное полным урожаем, требует обыкновенно от 150 до 200 (а иногда 300) чатал. Ежегодно необходимы многие миллионы чатал, которые добываются путем рубки молодых деревьев ценных лесных пород» [22].

Огромное количество леса шло на производство древесного угля (по устному сообщению В. П. Душевского Крымское ханство поставляло в Турцию до 300.000 тонн древесного угля ежегодно), большой вред крымскому лесу нанес не прекращавшийся несколько столетий неограниченный выпас скота (овцы, козы, коровы) в горных районах полуострова.

Наибольший урон горные леса понесли во времена существования Крымского ханства, что было связано с хищническим использованием природных ресурсов Крыма со стороны, прежде всего, татар. Пожалуй, первым человеком, описавшим потребительское отношение татар к природе полуострова, был известный турецкий путешественник Эвлия Челеби, побывавший в Крыму в середине XVII века. В своей «Книге путешествий», приводя описание окрестностей Балаклавы, он говорит: «В горах, сии заливы окружающих, произрастают деревья мастиковые. Во времена, когда властвовали здесь неверные, добывали они мастиковую смолу. Однако в нынешние времена татары, не зная ценности этих деревьев, рубают их на топку» [24]. Известный российский ученый П. С. Паллас, путешествовавший по Крыму в конце XVIII столетия, писал: «Татары употребляют все возможные усилия, чтобы истребить эти полезные леса, жгут их, собирают смолу и т.п.» [17]. «Варварскую привычку татар рубить самые живописные и драгоценные леса и оголять лучшие пейзажи окрестности» упоминает в своих «Очерках Крыма» Е. Л. Марков.

На месте вырубок и палов появлялся уже не лес, а шибляк – древесно-кустарниковая формация, представленная низкорослыми и кривыми деревцами и кустарниками: палиуром (держидерево), скальным и пушистым дубом, фисташкой, грабинником, боярышником, шиповником. Гордость Крымских гор – буковые леса заменялись грабом и грабинником. Какие уж в таких лесах «священные» деревья, а тем более рощи!

Но все же до активизации в Таврике мощной хозяйственной деятельности, связанной с появлением и оседлостью на её земле сначала эллинов, затем тюрков (хазар, татар, турков) и русских, Крымские горы были покрыты непроходимыми лесами, в которых нередко встречались деревья-великаны, почитаемые жившими там племенами тавров.

Перед пришествием в Таврику христианства местные племена использовали в своих религиозных культах поклонение рощам и отдельным деревьям. Первые христианские миссионеры, обращая в свою веру автохтонное население, попутно уничтожали объекты поклонения язычников, рубя также их «священные» деревья и рощи.

Так, в первом веке нашей эры императором Трояном за свои удачные проповеди в Таврику был сослан третий папа римский Климент. Прибыв сюда в 94 году нашей эры, Климент обнаружил в каменоломне под Херсонесом более 2 000 работающих здесь в рабском труде христиан. Здесь он совершил чудо, после которого многие язычники начали принимать христианство: в безводных каменоломнях Климент открыл «источник пресной воды, по видению агнца, бывшего ногой землею» [15]. В округе Херсонеса «он построил 75 церквей и уничтожил языческие капища и рощи» [15]. За свою удачную миссионерскую деятельность св. Климент был осужден римскими властями на жестокую казнь – его привязали к корабельному якорю и живого бросили в морскую пучину.

Другой христианский просветитель Константин-философ (более известный как святой Кирилл – один из основателей славянской письменности) по пути из Хазарии в Константинополь через Таврику, встретил здесь людей, поклонявшихся большому старому дереву и почитавших его как божество, что, однако, не мешало им верить так же и во Христа. Это дерево было «огромный дуб, сросшийся с черешней, у которого они приносили жертвы, называя его по имени Александр, и не позволяли женскому полу приступать к нему и жертвам его» [7].

Константин-философ упрекнул своих единоверцев в нарушении второй божьей заповеди на что те отвечали: «Не мы начали это делать, мы это приняли от отцов наших, и у этого дерева находим исполнение прошений наших, через него сходит к нам дождь и многое другое» [7].

В конце концов Константин убедил их в неправоте своих действий и дуб решено было срубить. «Приняв из рук философа белые свечи, с пением отправились к дереву. Константин, взяв топор, сам ударил им 33 раза и велел всем рубить его, выкорчевать и сжечь. В ту же ночь дождь, посланный Богом, напоил землю» [7].

В своей активной борьбе с языческими культами христианство (как и другие мировые религии) не смогло окончательно уничтожить пережитки, связанные с почитанием деревьев.

В течение всей своей истории Крымский полуостров являлся местом взаимодействия и добрососедского сосуществования многих культур и народов; и каждая новая религия или культура, появляющаяся в Крыму, органично принимала в себя уже существующие здесь местные традиции.

Так получилось и со «священными» деревьями. Сравнительно молодые религии – христианство и ислам – не смогли окончательно уничтожить глубоко укоренившееся в человеческом сознании почитание деревьев, восходящее ко времени появления первых языческих культов. Религиозное поклонение деревьям перешло в почитание деревьев, которое приспособилось под новые культурно-религиозные традиции.

Как уже говорилось выше, в засушливом Крыму всегда существовало трепетное отношение к источникам пресной воды: многие источники обожествлялись и становились объектом религиозного поклонения. С почитанием горных источников зачастую было связано и почитание деревьев.

Практически у каждого «святого» источника росло одно или несколько деревьев, которые так же получали статус «святости». После омовения водой источника паломники завязывали на ветках такого дерева кусочки своей одежды – символ оставляемой здесь болезни и уходящего горя, под сенью этих деревьев читались молитвы и просьбы об исцелении.

Чаще всего деревья у источника сажались специально – после проявления чудесных свойств его воды, а если это был монастырский источник, то во время строительства храма и каптажа. Крымское население чаще всего использовало для этих нужд деревья грецкого ореха, иногда шелковицы, реже другие породы. До наших дней сохранились многотлетние (иногда до 1000 лет и более) деревья грецкого ореха у источников близ сел Лучистое (б. Фуна, Демирджи) и Генеральское (б. Мега-Потам, Улу-Узень). К сожалению, большинство старых деревьев было вырублено за последнее столетие и крымские источники лишились своих естественных стражей-великанов, которые помимо религиозной играли и другую немаловажную роль – на водосборной площади родников они имели важное водоохранное и водорегулирующее значение.

Одно из таких сохранившихся до нашего времени почитаемых деревьев у «святого» источника находится в «пещерном городе» Качи-Кальон. Здесь, в «Четвертом (Церковном) гроте» Качи-Кальона расположен источник Св. Анастасии, в нескольких метрах от которого из трещины в безжизненной известняковой скале растет старое дерево черешни. Чудом попала сюда косточка черешни, чудом из него выросло и сумело выжить в таких неподходящих для жизни условиях это дерево. До сих пор среди крымчан сохранились воспоминания о «чудодейственной» силе «святого» источника и дерева – свидетельства тому лоскутки материи, которыми обвешаны ветки старой черешни.

Интересна форма черешни – дерево как будто преклонило свой ствол у «святого» источника и напоминает молящегося человека. Такая оригинальная «коленипреклоненная» форма древесного ствола могла быть создана искусственно много лет назад монахами для оказания большего эффекта на верующих паломников. Обхват ствола черешни у земли составляет 1,6 метра, высота около 9 м, а в длину, по направлению к обрыву, дерево вытянуто на 13 метров. Возраст дерева установить весьма затруднительно, но можно с уверенностью говорить о 150-летнем возрасте черешни, т.к. в краеведческой литературе конца 19 века уже встречается упоминание об этом дереве, но оно ошибочно принимается за «жалкое деревце черемухи, обвешанное пестрыми лоскутками». Дерево растет в экстремальных природных условиях (отсутствие нормального грунта, достаточной влаги, открытость ветрам и т.д.), которые угнетающе влияют на его внешний вид, поэтому неудивительно,

что настоящий возраст черешни может быть на несколько сотен лет больше подтвержденного в литературных источниках.

Черешня из Качи-Кальена не единственное «священное» дерево сохранившееся в Крыму до наших дней. В верховьях балки Марьям-дере у «пещерного города» Чуфут-Кале, на территории караимского родового кладбища, известного под названием «Иософатова долина», растет старая дубовая роща – национальная святыня караимского народа. На протяжении нескольких столетий караимы поклоняются у «священных» дубов небесному божеству Тенгри, что является глубоко укоренившимся языческим пережитком, унаследованным ими от своих хазарских предков. «Священная» роща, местное название которой Балта-Тиймэз, что в переводе означает «Топор не коснулся», является главной караимской святыней, к которой этот немногочисленный народ всегда относился с религиозным трепетом и огромным почитанием. Интересно, что крымские ханы нередко использовали дубовую рощу Балта-Тиймэз в своей политике по отношению к караимам. По этому поводу П. С. Паллас писал о караимском кладбище: «...евреи так дорожат им, что прежде, когда ханы хотели получить какую-нибудь добровольную дань от евреев, то они всегда распускали слух, что необходимо срубить деревья в Иософатовой долине» [17]. После установления власти Российской империи на полуострове, караимы уже могли не опасаться за сохранность своей святыни; без опаски быть срубленными ханскими слугами, дубы на кладбище разрастались «многочисленными и прекрасными», как писал о них Анатолий Демидов в 1837 году.

Ни официальная религия, ни многочисленные исторические бури, пронесшиеся над многострадальным караимским народом не смогли уничтожить почитание «священных» дубов. Культ поклонения дубам в Иософатовой долине существует и поныне. Но о его существовании знает очень незначительное количество людей. А особенности его проведения доступны лишь узкому кругу посвященных. Культ «священных» дубов рощи Балта Тиймэз – глубоко табуированный, закрытый для непосвященных, доступный небольшой группе караимских старейшин обряд. Эти люди не любят когда кто-либо со стороны проявляет излишнюю любознательность по поводу их святыни и связанных с ней традиций. Поэтому практически отсутствует и какая-либо информация по поводу «священных» дубов. Единственный материал, доступный для непосвященных в таинство культа, был опубликован с согласия Совета старейшин в небольшой брошюре «Крымские караи (крымские караимы-тюрки). Самоидентификация. Краткий очерк истории и культуры», выпущенной Ассоциацией крымских караимов в 1999 году. В связи с большой редкостью издания, мы полностью приводим для читателя главу «Культ священных дубов» из этой брошюры:

«До наших дней дошел культ Священных Дубов родового кладбища. Показательно название кладбища Балта Тиймэз («Топор не коснется»). В конце прошлого века в засуху в Джуфт-Кале можно было видеть процессию, которая направлялась из кенаса на кладбище. Впереди газзан нес свитки Ветхого Завета. У дубов молили Тенгри о ниспослании дождя. «Можно только удивляться, - писал С. Шапшал, - как само духовенство караимское строго и сурово боровшееся с остатками язычества, все же вынуждено было в угоду народу идти во главе его к этим дубам во время сильной засухи. Остатки древопочитания прямо указывают на унаследование караимами этого религиозного суеверия от своих хазарских предков.

Молятся в святилище индивидуально и коллективно. По древней традиции готовят площадку, с которой видно открытое небо. Вокруг дуба выкладывают фигуру в виде солнца с расходящимися лучами. Личные посещения происходят по велению души в любое время, месяц или день недели. Коллективные моления связаны с циклами двенадцатилетнего народного календаря Улуг Ата Санавы («Счет Великого Отца»), особенностями климата, национальной или общинной ситуацией и другими факторами, и не всегда согласуются с предписаниями официальной религии. В чрезвычайных обстоятельствах мог обращаться к дубам от общего имени и полномочный представитель. Особенности ритуала, связанные с многолетней цикличностью, известны только посвященным и сообщаются в преддверии очередного периода доверенным хранителям традиции, часто по женской линии.

Ныне на кладбище около 20-ти почитаемых дубов, возраст которых оценивают в 300-600 лет. Поклоняются им в определенной последовательности, с учетом направления движения солнца. У древних родов караев есть особо почитаемые «семейные» дубы. Прикасаясь к ним, общаются с ушедшими поколениями предков.

Считается, что общение с дубами дает силу, мужество и мудрость, помогает в трудных обстоятельствах, позволяя выбрать правильное решение.

Паломники оставляют у дубов посохи и землю с места жительства. С собой уносят по горсти священной земли. Ее бережно хранят в семьях, в качестве талисмана берут с собой в дальние

поездки, используют в похоронном обряде. Священную землю приносят на могилы предков.

Поклонение дубам – одна из сокровенных сторон древних верований крымских караимов. Караи убеждены, что их судьба зависит от отношения к этой святыне. Верят, что проявивших неуважение к дубам постигнет кара, а ревнители культа будут вознаграждены. Отношение к культовым деревьям благоговейное. Осквернителей святынь ожидала национальная кровная месть.

Культе никогда не афишировали, а периодами, к примеру, в годы советской власти, отправляли тайно. Эта тема запретна и поныне. Верующие болезненно реагируют на внимание к священным дубам и на пребывание в святилище посторонних.

У многих дубов отсутствует верхняя часть основного ствола. Это результат былых драматических событий. Их отголоски по сей день хранит историческая память народа.

Поразительна живучесть культа. По древней традиции вот уже много веков караи стремятся хотя бы раз в году совершить паломничество и прикоснуться к Священным Дубам. И убеждены, что Тэнгри исполнит загаданные у дубов сокровенные желания» [Крымские караи..., 1999].

В настоящее время на Балта Тиймэз растёт 24 «священных» дуба, которые расположены по периферии кладбища. Дубы насчитывают примерно одинаковый возраст, так как произрастают в схожих условиях обитания и имеют мало отличающуюся по размерам окружность ствола: от 190 до 220-230 см. Самый большой по размерам (а значит и по возрасту) экземпляр дуба скального на караимском кладбище имеет окружность ствола 270 см при его высоте 10 – 12 метров и расположен по левому борту в верховьях балки Марьям-дере. Около полутора десятков дубов огорожены изгородью из сухих веток. Считается, что для исполнения сокровенного желания, нужно загадав его, положить ветку в изгородь священного дуба; тогда желание непременно сбудется. Для входа за забор имеется небольшая калитка, а все пространство вокруг дуба вычищено от молодой древесной поросли и находится под постоянным присмотром строго смотрящих за своей святыней караимов.

Отношение к деревьям как к божеству в образе Тенгри, встречалось не только у караимов, но и у язычников-татар, и позже, под влиянием христианства и ислама, оно «перешло в разряд благородного обычая ухаживать за деревьями. Почтенные старцы уходили в горы и занимались прививкой дикорастущих деревьев. Этот обычай назывался «Ашлама» [21].

Почти всегда деревья становились «священными», если произрастали вблизи культовых сооружений или у могилы святого человека. Это правило сохраняется в Крыму до сих пор: деревья у церквей, мечетей и на кладбищах почитаемы и неприкосновенны.

Ещё на рубеже XIX и XX веков немного выше Козьмо-Дамиановского монастыря, среди большой поляны росли рядом два старых дерева. Считалось, что одно из этих деревьев было посажено св. Козьмою, а другое – его братом св. Дамианом. После омовения в воде источника богомольцы шли на поклон к этим деревьям. Татары говорили, что деревья посажены на могиле братьев и являлись им своеобразным надгробным памятником. К сожалению, до нашего времени эти деревья не сохранились и мы не можем с уверенностью говорить об их видовой принадлежности. Единственной зацепкой является статья ботаника В. И. Талиева «На высотах Яйлы» (1899г.), где он упоминает о находке группы старых деревьев южнобережного можжевельника близ Козьмо-Дамиановского монастыря. «По-видимому, в лучшие времена истории Крыма здесь была греческая обитель», - заключает Талиев, считая, что эти деревья были посажены здесь «древними греками» [3]. Деревья можжевельника на Царской поляне у монастыря видели и другие ботаники – Клеопа и Вульф. Из этого можно предположить, что деревьями Козьмы и Дамианиана были два старых можжевельника: именно это, редко встречающееся среди окружающего монастырь букового леса, дерево могло поразить епископа Гермогена, который видел посреди поляны «два древние и весьма красивые деревья, очень похожие одно на другое» [6]. Кто видел древовидные можжевельники, согласится, что эти деревья «весьма красивые» и «очень похожие одно на другое».

Еще об одном «священном» дереве вспоминает крымский краевед В. К. Гарагуля. На рубеже XIX – XX веков его дед, назначенный учителем в деревню Ашага Керменчик (с. Высокое)знакомился с её окрестностями. Вновь прибывшего учителя сопровождал хозяин дома, где он остановился и еще трое человек, все – омусульманенные греки. «... На кладбище деревни Ашага Керменчик дед увидел громадный вяз – карагач. Дед и четверо его спутников еле обхватили ствол. Позднее дед установил, что это дерево, одно из старейших в Крыму, в обхвате достигает 7,5 метров. Хозяин, оглянувшись и не увидев никого из посторонних, сделал «ставрос». После него это действие повторили все остальные. Затем хозяин предложил это сделать деду.

«Тодор Оджа (с татарского «учитель Федор» - авт.), когда мы были христиане, мы делали это открыто, а сейчас это наша тайна. А карагач был святым деревом, когда наши предки ещё не были православными».

Выше карагача находилась действующая церковь Святой Троицы. «Раньше это была наша кильсе (с греческого «церковь» - *авт.*) Ай-Тодор Тирон, а как пришлые греки её перестроили, мы её своей уже не считаем, а карагач – наш. А теперь пойдем в нашу самую святую кильсе».

Правее кладбища начинался чаир с горкой, поросшей деревьями и кустами. Ветви самого большого дерева были обвязаны разноцветными полосками материи. «Паная! Мерьем анай! Азис!» (с татарского «Пресвятая! Мамочка Мария! Святая!» - *авт.*) – сказал хозяин.

Дед увидел руины небольшой церкви с абсидой, в центре которой находился престол из известняка и лежала плита с крестами.

...Каждый из пришедших срывал с дерева лист, положив его сначала на престол, а потом на плиту. После этого, каждый пришедший, обняв дерево, целовал лист, приложенный к его стволу» [4].

Практически у каждой мусульманской мечети или при захоронении святого человека – азиса, так же произрастало «священное» дерево; под ним молились и размышляли о жизни, после чего на его ветви вешали кусочки материи – языческий пережиток, символизирующий жертвоприношения азису в благодарность за исцеление.

Ярким примером такого дерева служило «тысячелетнее терпентиновое дерево» в Гурзуфе, под тенью которого находились две чтимые татарами могилы, которые приходя на поклонение к своим азисам, вешали на ветвях старой фисташки «лоскутки материи» [13]. С гурзуфским азисом связана интересная история об одном пьяном человеке, который проходя мимо могилы и дерева сильно сквернословил. «Поравнявшись с азисом он внезапно замолк и упал. Оказалось, что у него отнялись язык и ноги» [5]. Уже в 20 гг. XX века могилы были запущены и вскоре вовсе позабыты, а «святая» фисташка уничтожена.

Три «священных» кипариса растут в нескольких километрах от Алушты у с. Изобильного при могиле татарского азиса, упоминания о могиле которого встречаются в краеведческой литературе с конца 19 века. Несколько лет назад один из кипарисов был подожжен неизвестными вандалами.

Почитание «святых» деревьев при могилах праведных людей играло важную природоохранную роль. Так, можно с уверенностью сказать, что наиболее лесистый участок Карадага, расположенный на горе Святая, избежал участи быть истребленным на хозяйственные нужды именно благодаря местонахождению там могилы очень почитаемого татарского святого «Кемал-бабай».

До нашего времени в Крыму сохранилось лишь несколько «священных» деревьев, которые непосредственно связаны с религиозными культурами. Намного больше деревьев, которые почитаются за их примечательные особенности: почтенный возраст, необычный размер и облик, за их связь с каким-либо историческим событием.

В некоторых уголках Крымского полуострова ещё сохранились уникальные, достигающие возраста в сотни лет, деревья-долгожители – свидетели некогда шелестевших тут густых лесов. Точный возраст этих почтенных патриархов Крымских гор установить практически невозможно, так как на рост каждого дерева-старожила влияет свой индивидуальный набор природных факторов: особенности микроклимата, почвы, условия жизни и т.д. Если дерево растет в благоприятных для него условиях, то оно может и в достаточно юном возрасте достичь значительных размеров, и наоборот, дерево может иметь угнетенный вид, а жить на Земле уже не первое тысячелетие. Поэтому и нет оснований говорить о каком-то одном «самом старом дереве Крыма» - их может быть несколько. Единственный способ установить точный возраст дерева – это спил ствола для подсчета годовых колец, но это можно произвести лишь после его гибели. В связи с такими затруднениями по определению возраста крымских старожилов, наиболее древние из них на полуострове уже традиционно называются «тысячелетними».

В настоящее время в Крыму произрастает несколько «тысячелетних деревьев». На вершине г. Ай-Петри растет небольшое, угнетенное ветрами, дерево тиса ягодного, имеющее высоту 10 метров и окружность ствола 3 метра (на уровне груди человека). Дерево это растет у туристской тропы, что сильно повлияло на его облик – ветви обломаны, а на коре вырезаны инициалы и фамилии нерадивых туристов. Тис у вершины Ай-Петри упоминается у многих авторов – ученых и краеведов, и возраст его традиционно считают в 800-1000 лет [9, 14 и др.]. Дерево растет на территории Ялтинского горно-лесного заповедника, но должным образом не охраняется, что вскоре может привести к его гибели. Кстати, впервые это одно из старейших деревьев Крыма предложил внести в реестр памятников природы российский ученый-биолог А. П. Семенов Тянь-Шанский, сын известного общественного деятеля, ученого и путешественника по Тянь-Шаню.

В километре к западу от зубцов Ай-Петри растет ещё одно старое дерево тиса, возраст которого оценивают в 1100-1200 лет. Его высота так же невелика – около 10 метров, а диаметр ствола на высоте 1,3 м – 122 см. Дерево находится в угнетенном состоянии – большое количество иголок высохло, а ветви покрыты лишайником [10].

На Южном берегу Крыма встречаются «тысячелетние» деревья другого представителя доледниковой реликтовой флоры Крыма – фисташки туполистной (другие названия – кевовое, терпентиновое, скипидарное дерево). Наиболее старые экземпляры фисташки растут в Никитском Ботаническом саду, в парке Нижней Массандры, на мысе Айя и на самой вершине мыса Ай-Тодор [14].

На мысе Ай-Тодор растет и другое дерево тысячелетнего возраста – можжевельник высокий. 800-1000 летние деревья можжевельника встречаются и в других местах ЮБК – в Айя-Ласпинском урочище, в парках Фороса, Симеиза, в Семидворье, урочище Канака [14].

На горе Ай-Никола растет еще одно уникальное творение крымской средиземноморской флоры – мощное, старое дерево земляничника мелкоплодного – известной «бесстыдницы». Об этом дереве с любовью пишет известный ученый проф. В. Г. Ена: «На западном «плече» Ай-Никола, на высоте 320 м, в маленьком романтическом урочище, прикрытом с юга скалой, а с севера – крутым склоном с древней каменной кладкой, разместилось дерево земляничника, одно из самых старых на полуострове. Десять больших и малых ветвей, каждая из которых по виду самостоятельное дерево, отходят от кряжистого, словно оплывшего, четырехметрового в обхвате ствола. Этому дереву наверное не меньше тысячи лет, однако оно хорошо развивается, плодоносит» [9].

Есть в Крыму и «тысячелетние» дубы. На Южном берегу наиболее старые, величественные экземпляры дуба пушистого с обхватом ствола 5 – 5,5 метров растут в парках Фороса, Тессели, Меласа, Ливадии, в Мухалатке, Ясной поляне, Нижней Ореанде, Никитском ботаническом саду и Верхней Массандре.

В Верхней Массандре возле небольшой церкви во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи росло несколько многосотлетних деревьев дуба и грецкого ореха, окруженных деревянными скамейками. Около самой церкви рос величественный «тысячелетний» дуб, на громадных ветвях которого были укреплены колокола. А из-под алтаря брал начало «святой» источник, вода которого ниже церкви собиралась в «небольшой водоем, украшенный иконами» [13]. Служба в церкви проводилась один раз в год – 29 августа (11 сентября), тогда же и звонили в висящие на ветвях дуба колокола. Последний раз служба в церкви прошла 29 августа 1928 года, после чего храм был разрушен. В настоящее время установить в каком состоянии находится «священный» дуб, источник Иоанна и другие многосотлетние деревья в округе бывшего храма невозможно, так как вся эта территория находится в ведомстве Министерства Обороны Украины и используется в качестве государственной дачи.

Наиболее старый и, похоже, единственный достигший действительно тысячелетнего возраста, дуб скальный со стволом окружностью 8 метров, растет у с. Высокое Бахчисарайского района (б. Верхний Керменчик) [14].

Практически все южнобережные деревья-старожилы расположены на территориях, которые в настоящее время входят в перечень объектов природно-заповедного фонда АРК, и тем самым сохраняются от истребления.

К сожалению, не все исполины крымских лесов смогли дожить до времени, когда государство, хоть часто и недостаточно, но все же стало заботиться об охране природы.

Так, в 1922 году у села Биюк-Сюрень (совр. Танковое) было срублено уникальное дерево дуба черешчатого, возраст которого считался около 1500 лет – это было самое старое дерево полуострова, а по мнению знаменитого садовода Л. П. Симеренко «наш крымский великан – старейшее дерево в Европе» [22]. Дуб рос в фруктовом саду в пойме реки Бельбек, в имении Говорова (поэтому дерево часто называли «Говоровский дуб»), и по последним измерениям, проводившимся по заданию Л. П. Симеренко в 1910 году, окружность его ствола достигала 11,4 м (!), а окружность кроны – 46 м. Этот дуб-гигант по справедливости называли «крымским баобабом».

Им интересовались многие известные люди, чьи имена напрямую связаны с Крымом. Впервые этот потрясающий памятник природы открыл для науки и измерил в конце XVIII века П. С. Паллас. В своем дневнике он записал, что по берегам крымских рек «...иногда находятся весьма толстые дубы, из которых отменнее всех растущий близ деревни Суреене: ибо пень его имеет в окружности даже до 30 футов» [17], т.е. около 915 см. Согласно Палласу, «окружность площади тени, даваемой в полдень его кроной» равнялась 100 шагам [22]. Затем в 1852 году дерево измерил Х. Х. Стевен – основатель Никитского сада, тогда окружность ствола составляла уже 11,1 м, высота дерева

26,7 м, а диаметр кроны 31 метр. В 40-х гг. XIX века великая княжна Елена Павловна, проезжая мимо дуба также соблаговолила его измерить и послала гонцов в Бахчисарай за мерной лентой; но «в лавках Бахчисарая не оказалось ленты такой длины» [16]. В 1888 году Говоровский дуб, который в то время еще называли «крымским зонтиком», посетили во время своей экскурсии в Бахчисарай ученики Симферопольской мужской гимназии. Они так же произвели замеры дуба: по их данным ствол имел «15,5 аршин в окружности, площадь, покрываемая ветвями его, равна 6300 квадратных футов, высота равняется 12,75 сажени» [19]. Гимназисты высчитали, что под сенью его ветвей сможет уместиться более 3000 человек.

По поводу происхождения дуба-великана существовала следующая легенда: «Жили два брата, старший был ученый и любитель редкостей, младший – добрый малый, не больше; он жил трудом и никогда не обращался к старшему брату за помощью. Достигнув совершеннолетия, младший брат обручился и был назначен день свадьбы, как вдруг невеста его сильно захворала, и врачи заявили, что медицина бессильна. Осталась единственная надежда на талисман брата, силою которого совершались чудеса. Старший брат наотрез отказал в талисмане, так как он не был согласен на этот брак. Нужно было во что бы то ни стало похитить этот замечательный кусочек дерева, в котором заключалась и жизнь невесты, и будущность младшего брата. Случай скоро представился и жених уже был на пол пути от невесты с талисманом в руках, как посланные старшим братом слуги догнали его при сильной грозе и проливном дожде. На этом самом месте, где стоит дуб-великан, младший брат с досады, в сильном гневе, бросил талисман в землю и затоптал ногами. Из этого кусочка дерева и вырос громадный дуб, корою которого и поныне лечатся татары, и вера в существование чудодейственной силы дуба спасает их от недугов. Есть болезни, которые, по татарскому поверью, исцеляются сном около корня этого дерева» [19].

Не удивительно, что местные жители-татары искренне почитали это величественное дерево, рассказывали о нем многочисленные предания и легенды, а листья дуба и его кору использовали в качестве лекарства от многих болезней. Кстати, кора дуба была не похожа на обычную кору дерева, а «как бы превратилась в окаменелую массу, и с большим трудом местные татары скоблят её топором для «илача», то есть для лекарства, которым они лечатся от всех недугов» [19].

На бережное отношение к дубу-великану указывает и тот факт, что нижние самые мощные (до 1.5 аршина в диаметре) и тяжелые сучья дерева поддерживались сложенными из бута каменными колоннами. Дуб из Биюк-Сюренья был широко известен и почитаем в Крыму – его изображения печатались на открытках, в журналах «Нива» и «Пчела», есть его фото в книге Л. П. Симеренко «Крымское промышленное плодоводство», Говоровский дуб показывали путешественникам как экскурсионный объект.

Возможно и сейчас бы рос этот великан растительного мира, старейший из всех крымских деревьев, не приди в чью-то голову чудовищная мысль уничтожить эту святыню растительного мира Крыма. Скорее всего, пустили дуб на дрова как раз из-за его почитания местными жителями. Ведь 1922 год – время, когда в самом разгаре шло уничтожение святынь – как рукотворных, так и природных. Но так ли все было – нам уже никогда не узнать.

Еще недавно среди местных жителей округа Гурзуфа ходило предание о старом дубе на горе Аюдаг (Медведь-гора). Эту легенду хорошо выразил в стихах крымский поэт Анатолий Никаноркин:

О чудесном дубе в лагере «Артек»
Как-то говорил мне старый человек:
«На лесной поляне, на горе Медведь
Дуб стоит могучий, можешь посмотреть,
Он стоит - не сохнет – очень много лет,
Слышал, - не ручаюсь, - есть такой секрет:
Силу и здоровье получает тот,
Кто коснется дуба, в руки лист возьмет...»

(А. Никаноркин. «Чудесный дуб». Литературно-художественный альманах Крым, № 31, 1962.)

Строчки стихотворения возвращают нас к «Говоровскому дубу»: его листья так же использовались местным населением как лекарство, лечащее от всех болезней. Два этих свидетельства о лечащей силе дубов-гигантов наталкивают на мысль, что ещё до недавнего времени некоторые старые почитаемые крымские деревья считались у местных жителей целебными, что являлось одним из остатков древнего культа «святых» деревьев, переросшего в данном случае в почитание лечащей силы дуба.

Тысячелетнего возраста могут достигать не только местные крымские породы, но и некоторые представители культурной флоры, завезенные на полуостров людьми. До наших дней в долине р. Улу-Узень, чуть ниже с. Генеральское (б. Мега-Потам, Улу-Узень), сохранились два гигантских «тысячелетних» дерева грецкого ореха, культура которого связана с появлением в Крыму выходцев из Греции. Крона самого старого из них занимает площадь в 900 м², ширина кроны с востока на запад 29 м, а с севера на юг 35 м. Высота дерева 25 м, обхват на уровне груди 575 см, а диаметр ствола 180 см. [18].

Ещё в начале XX века на Южном берегу, в имении Мшатка, рос огромный «тысячелетний» орех, который был хорошо известен среди крымского населения. Этот гигант имел ствол толщиной «в 5 обхватов» и одиноко, словно настоящий памятник, стоял посреди круглой, покрытой виноградниками, долины. Это дерево было такой величины, что по словам В. Х. Кондаракки «под тенью его могут расположиться до ста всадников» [12]. Поэтому дерево так и называлось: «сто всадников». В год оно давало урожай до 70 000 орехов. Интересно, что в 30-х годах XIX века на вершине ореха, «на его громадных развесистых ветвях, среди самой листвы, была устроена обширная беседка – ротонда, куда вела витая большая лестница кругом ствола» [16].

До второй половины XIX века в Мисхоре рос не менее замечательный и знаменитый орех-великан, который хоть «размером ствола и уступал мшатскому, но в росте был больше и на вид грознее». Татары называли это дерево собственным именем - «черкес-чевис», оно было поделено между 16 владельцами, каждому из которых принадлежали отдельные ветви дерева, переходившие по наследству из рода в род. С каждой такой ветви, а длина некоторых из них достигала 28 шагов, собиралось до 100 000 (!) орехов в год. Орех был настолько громаден и величественен, что даже император Николай I, путешествующий по Таврике в 1837 году, был поражен его красотой и приказал зарисовать орех. Дерево это считалось самым старым на Южном берегу и когда оно было повалено бурей, то оказалось, что «между стволом и ветвями на нем росли целые деревья лавра и рамуса». Из ореха получилось несколько сажень дров [11, 16].

Иногда, даже большим почитанием, чем старые «тысячелетние» деревья, пользуются сравнительно молодые представители древесной флоры в возрасте от 200 до 800 лет, в том случае, если с ними связано какое-либо важное историческое событие либо личность известного человека. Такие деревья-свидетели называются «мемориальными» и практически всегда имеют среди местного населения свое собственное имя. Необходимо отметить, что понятие мемориального дерева весьма широкое – таким деревом может стать и гигантский дуб, посаженный 500 лет назад в честь великой военной победы, и 10-ти летняя березка, посадкой которой отец ознаменовал рождение наследника.

Наиболее известным из крымских мемориальных деревьев является величественный экземпляр дуба черешчатого в Детском парке города Симферополя. И хотя это дерево непосредственно не связано с каким-либо важным историческим событием, это наистарейшее дерево города очень почитаемо среди жителей Симферополя, которые ежедневно приходят в Детский парк отдохнуть под тенью громадного дуба. Дуб имеет и собственное название – «Богатырь Тавриды», олицетворяя своим могуществом и величием благословенную землю Тавриды. В настоящее время высота дерева составляет 25 метров, обхват ствола 6,12 метра, а диаметр кроны около 30 метров. Насчет предположительного возраста дуба существует несколько мнений, в связи с чем в разных источниках указывается различный возраст – от 500 до 700 лет [8, 14, 20 и др.]. Точный же возраст «Богатыря Тавриды» определить в данное время невозможно.

До возникновения первых строений г. Симферополя «Богатырь Тавриды» рос в составе естественного тугайного дубового леса поймы реки Салгир. С ростом города росла и хозяйственная деятельность в долине Салгира – естественная растительность стала уступать место человеку. Погибали под ударами топора и многовековые дубы – чудом с тех пор остался «Богатырь Тавриды», да несколько дубов 300 – 400 летнего возраста, разбросанных по паркам и скверам города. Есть такие дубы в парке «Салгирка», в Детском парке у Института минеральных ресурсов и один дуб в сквере им. В. Ленина по ул. Павленко. До конца XX века «Богатырь Тавриды» рос в составе сада известного химика Де Серра, хорошего знакомого А. С. Пушкина. Замечательный русский поэт, будучи в 1820 году в Симферополе, гостил у Де Серра и наверняка неоднократно гулял по саду, где его пытливый взгляд мог остановиться и на нашем дубе. И кто знает, может и бессмертные слова: «У Лукоморья дуб зеленый...» родились в голове поэта как раз у этого дерева. Уже только поэтому оно заслуживает охраны и почитания.

Решением Крымского Облисполкома от 22.02.72 г. за № 97 дуб «Богатырь Тавриды» был объявлен памятником природы. В настоящее время дуб растет посреди обширной площадки Детского

парка, находится в довольно хорошем состоянии, является одной из достопримечательностей города и гордостью симферопольцев.

Другой не менее известный и почитаемый экземпляр дуба черешчатого сохранился в нескольких километрах к северу от Белогорска в долине р. Биюк-Карасу. Это так называемый «Суворовский дуб», под которым, как гласит предание, в 1777 году великий русский полководец, генерал-поручик Александр Васильевич Суворов вел переговоры с представителями турецкого султана. Почти из самого основания ствола у дуба выходят четыре больших сросшихся между собой ветви, из-за чего дуб иногда ещё называют «Четыре брата». Ветви дуба образуют громадную крону диаметром 30 метров, которая отбрасывает тень на 300 м². Диаметр ствола в основании дерева равен 3,8 метров, а окружность ствола 12,2 м, при высоте дуба в 18 м (по некоторым данным высота 22 м). Возраст «Суворовского дуба» приблизительно равен 800 лет. С 1997 года дуб находится под охраной государства как памятник природы.

С именем другого известного в Крыму человека – Федора Карловича Мильгаузена связано дерево каштана конского, произрастающего во дворе дома № 30 по ул. Фрунзе в Симферополе. Ф. К. Мильгаузен (1775 - 1853) был известным русским врачом, общественным деятелем и ученым. В его доме, который сохранился до наших дней (ул. Киевская № 24) и который выходит фасадом во двор, где растет каштан, бывали многие знаменитые люди, чьи имена дороги каждому русскому человеку: художник И. К. Айвазовский, ботаник Х. Х. Стевен, историк П. И. Кеппен, поэты К. Н. Батюшков и В. А. Жуковский, актер театра М. С. Щепкин, литератор В. Г. Белинский и многие другие. Некоторые из них могли видеть и этот каштан, который был посажен Ф. К. Мильгаузеном в 1829 году в качестве мемориального семейного дерева: в одну лунку врач посадил семь плодов каштана – по количеству членов своей семьи. В первые же годы после посадки два ростка пропали, а остальные пять хорошо прижились и слились в единое мощное пятиствольное дерево, которое в отличном состоянии сохранилось до наших дней – каштан ежегодно обильно цветет и плодоносит. У самой земли стволы дерева срослись и здесь (на высоте 40 см) их общий обхват составляет 5,15 метра. На высоте 2 метра отдельные стволы каштана имеют обхваты: 1,85 м, 2,00 м, 2,25 м, 2,30 м и 2,25 м. В 1972 году решением Крымского Облисполкома «Пятиствольный каштан» был объявлен памятником природы.

Есть свое мемориальное дерево и на Южном берегу Крыма. Это – хорошо известный всем поклонникам творчества А. С. Пушкина так называемый «Пушкинский кипарис», который растет в Гурзуфе у входа в дом, где три недели жил талантливый русский поэт. Для Пушкина, жителя северной России, диковинное дерево кипариса навевало приятные думы, под его пирамидальной кроной рождались замыслы новых творений, да и через много лет после крымской поездки А. С. Пушкин неоднократно вспоминал своего «южного друга», с которым он каждое утро здоровался по пути к морю.

«...У самой террасы стоял кипарис,
Поэт называл его другом...»
(Н. А. Некрасов)

Для почитателей пушкинского гения «Пушкинский кипарис» - дерево поистине святое, к нему на поклон ежегодно приезжают сотни людей с разных концов мира.

«...Пушкин надолго прославил его:
Туристы его навещают,
Садятся под ним и на память с него
Душистые ветки срывают...»
(Н. А. Некрасов)

В год 200-летия Пушкина две ветки этого дерева были переданы на могилу Анны Керн и в музей поэта в Санкт-Петербурге. Там же, в Гурзуфе, возле памятника А. С. Пушкину растет громадный платан, посаженный в годовщину смерти поэта – в 1838 году владельцем гурзуфского имения И. И. Фундуклеем. Этот платан так же можно считать за мемориальное пушкинское дерево.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что культ «священных» деревьев в Крыму имел место в прошлом и в замаскированном виде сохраняется до сих пор. На заре истории почитание «священных» рощ и отдельных деревьев было широко распространено среди автохтонных крымских племен до тех пор, пока большинство из этих деревьев не пали под ударами миссионерских топоров. И все же миролюбивое христианство, не скрывавшее своей ненависти к языческим культам, не смогло окончательно уничтожить их пережитки – в Горном Крыму периодически встречались «святые» деревья, а иногда и целые рощи, которые теперь уже были посвящены какому-либо христианскому святому и находились под его защитой. Та же самая

ситуация складывалась по отношению к пережиткам языческого культа «святых» деревьев и у последователей учения Магомета: в исламе «святыми» деревьями становились те, что росли у могилы праведного человека – азиса.

Во времена советской власти, и вплоть до настоящего времени, религиозная составляющая культа «святых» деревьев отошла на второй план, а слово «святой» заменилось словом «почитаемый». Почитаемыми стали, прежде всего, деревья-свидетели: деревья, имеющие многосотлетний возраст и мемориальные деревья, связанные с важным историческим событием или знаменитым человеком. Почти все «тысячелетние» и мемориальные крымские деревья в наше время находятся под охраной государства в качестве памятников природы.

К сожалению, сейчас государственная охрана памятников природы зачастую чисто номинальная и мало эффективная. В связи с этим необходимо всенародное понимание важности дела охраны природы, одним из этапов которого может являться возрождение и поддержание культа деревьев, что будет выступать действенным механизмом в их охране. Для этого природоохранным организациям необходимо развивать и популяризировать мотивы поклонения деревьям, что особенно продуктивно может выражаться через почитание мемориальных деревьев и деревьев-долгожителей. По этому поводу до сих пор актуально звучат слова известного ученого академика П. А. Тутковского: «Культе деревьев, почитание лесов когда-то жили в крови славян и не совсем исчезли из нее сейчас, остается только переделать его в разумную форму и возродить его как сознательную опеку дерева» [23].

Так же первоочередной задачей является полная инвентаризация всех старых деревьев. Понятие «старое дерево» относительно и индивидуально для каждого рода дерева, но все же минимальным возрастным рубежом для инвентаризации можно посоветовать 500 летний возраст. Таких деревьев в Крыму пока еще немало. Само собой разумеется, что на учет в качестве памятников природы должны быть взяты «священные» и мемориальные деревья.

При инвентаризации дерева необходимо придерживаться следующего плана:

- Местное и научное название растения.
- Точное местонахождение.
- Размеры дерева (обхват ствола на уровне груди человека в см, высота дерева, диаметр кроны и площадь ею занимаемая).
- Биологическое состояние дерева.
- Наличие легенд, преданий и обычаев, связанных с деревом.
- Исторические литературные сведения о данном дереве.
- Проводимые меры по сохранению дерева.

К этому должен прилагаться комплект фотоснимков дерева (полный рост и отдельные детали). Охрану и присмотр за деревом необходимо возложить на организацию, на чьей территории растет дерево, при контроле за всеми действиями местной природоохранной структуры. Так же важно помнить, что достопримечательные деревья обладают большим рекреационно-научным потенциалом, в связи с чем желательно их использование в краеведческой, экскурсионной и научно-педагогической работе.

И только при исполнении всего комплекса вышеприведенных условий мы сможем сохранить крымские деревья-памятники, за что получим благодарность не только наших потомков, но и самой Природы.

Литература

1. Борейко В. Е. Лесной фольклор. Древа жизни и священные рощи. – Киев, 2000.
2. Борейко В. Е. Эссе о дикой природе. – Киев, 2000.
3. Вульф Е. В. Флора Крыма. Том 1., вып. 1, 1927.
4. Гарагуля В. К. Серебряные рубли «Кеппен Немсе» // Вестник физиотерапии и курортологии, № 1, 2000.
5. Гаспринский И. Крымские азисы // Восточный сборник. Кн. 1. – СПб, 1913.
6. Гермоген, епископ. Таврическая епархия. – Псков, 1887.
7. Елпатьевский С. Я. Крымские очерки. Год 1913-й. – Феодосия: «Коктебель», 1998.
8. Ена В. Г. Памятники природы. Богатыри Тавриды // Вам, туристы. – Симферополь: «Крым», 1965.
9. Ена В. Г. Заповедные ландшафты Крыма. – Симферополь: «Таврида», 1989.
10. Захаржевский Я. В. Найстаріший тис Криму // Укр. бот. журнал, т. 23, 3 2, 1966.

11. Коваленко И. Деревья-долгожители // Таврические ведомости, № 5 (303), 16.02.2001; Коваленко И. «Священные деревья» // Таврические ведомости, №13 (311), 27.04.2001.
12. Кондараки В. Х. В память столетия Крыма. – Николаев, 1873.
13. Крым. Путеводитель. – Симферополь, 1914.
14. Лыпа А. Л. Достопримечательные деревья Крыма. – Симферополь: «Крым», 1967.
15. Маркевич А. Островок в Казачьей бухте как предполагаемое место кончины св. Климента, папы римского // ИТУАК № 43.
16. Накропин О. Замечательные древние деревья в Крыму // Вестник садоводства, плодородства и огородничества. СПб, 1883.
17. Паллас П. С. Путешествие по Крыму в 1793 и 1794 годах академика П. С. Палласа // ЗООИД. – Одесса, 1881, т.12.
18. Пасенков А. Тысячелетние ореховые деревья в Крыму // Виноградарство и садоводство Крыма. – Симферополь, № 12, 1962.
19. Попов А. Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Бахчисарай. – Симферополь, 1888.
20. Рубцов Л. И. Достопримечательные экземпляры дуба в Крыму // Бюлл. Главн. бот. сада, № 35. М., 1959.
21. Сеферов Э. Отголоски древних верований у крымских татар // Касавет, №1, 1995.
22. Симеренко Л. П. Крымское промышленное садоводство. – М, 1912.
23. Тутковский П. А. Культ лісів колись і тепер // Нариси з природи України. Вип 1. – Київ: Всеукр. кооп. вид. союз, 1920.
24. Челеби Эвлия. Книга путешествий. – Симферополь: «Таврия», 1999.